

КОНРАД ГЕЙДЕН

ПУТЬ НСДАП. ИСТОРИЯ
ГЕРМАНСКОГО
ФАШИЗМА

Взлёт и падение Третьего рейха

Конрад Гейден

**Путь НСДАП. История
германского фашизма**

«Алисторус»

2018

УДК 94(430)"19"
ББК 63.3(4Гем)

Гейден К.

Путь НСДАП. История германского фашизма / К. Гейден —
«Алисторус», 2018 — (Взлёт и падение Третьего рейха)

ISBN 978-5-907024-73-1

Книга немецкого журналиста Конрада Гейдена описывает подлинную историю становления нацизма в Германии. В 1923 году он впервые написал статью о зарождающемся тогда в Германии национал-социализме. Данная тема увлекла его. Через пару лет благодаря своим многочисленным связям в НСДАП он прекрасно ориентировался в деятельности этой партии, став экспертом в этой области. После прихода Гитлера к власти, справедливо опасаясь за свою жизнь, он был вынужден бежать за границу. В своей книге он рассказывает о том, как и почему униженная Версальским договором страна кинулась в объятия бесноватого фюрера. И была ли альтернатива нацистам или они были единственной реальной политической силой?

УДК 94(430)"19"

ББК 63.3(4Гем)

ISBN 978-5-907024-73-1

© Гейден К., 2018

© Алисторус, 2018

Содержание

Часть первая	5
Глава 1. Три корня национал-социализма	5
Глава 2. Съезд в Зальцбурге	23
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Конрад Гейден

Путь НСДАП. История германского фашизма

Часть первая

Глава 1. Три корня национал-социализма

Начало национал-социализму как идейному направлению положили несколько интеллигентов, преимущественно из северной Германии, в период 1926–1928 гг.

Как живая политическая клетка национал-социализм возник из развалин громадной «Патриотической партии» и «Пангерманского союза», другими словами – из воинствующего аннексионизма времен 1917 г. Самостоятельная жизнь его началась в 1919 г.

Как политическое орудие национал-социализм является детищем мюнхенского рейхсвера. С помощью последнего его оформили Адольф Гитлер, обладающий подвижным умом и непостоянным характером, и капитан Эрнст Рем¹. Это было в 1921 г.

Название движения заимствовано в Австрии; оно было принято против воли нынешнего вождя и не отвечает характеру этой партии. Крещение последовало в 1920 г., когда мода на социализм, пришедшая вместе с революцией, уже проходила. Члены партии, которые впоследствии всерьез отнеслись к ее «социализму», вынуждены были уйти из партии.

При бурном развитии движения нормальное соответствие между формой и содержанием невозможно. Законченность, неизменность формы противоречили бы характеру партии, которая сознательно шла на то, чтобы приспособиться к обстановке и в случае нужды сгибаться перед сильным.

Вызвавшие столько толков «двадцать пять пунктов» (Речь идет о первоначальной программе национал-социалистов, сформулированной в 25 пунктах. – прим, перев.) не являются программой в серьезном смысле слова. Но отсутствие программы – не просто маневр, рассчитанный на общую беспринципность; оно покоится на сознании, что движения возникают вследствие определенных причин, а не для достижения известных целей, и что для людей важнее вожди, нежели правила поведения. Несомненно, здесь сказалась своего рода вера в силу рока, рождающего могучие идеи и в то же время вызывающего активное противодействие против себя же самого. Как и во многом другом, национал-социалисты учились у марксизма подходить к вопросам исторического развития с точки зрения диалектики. Однако в то время как марксисты желали претворить стихийный характер политики в «науку», более практичные национал-социалисты принимали политику такой, какая она есть. Этому соответствует следующая концепция: народу принадлежат чисто растительные функции жизни – деторождение и рост, а ниспосланные свыше вожди вносят в нее порядок, оформленность и целеустремленность. Коричневый дом² носит характер масонской ложи, это особенно ясно выявилось в последнее время; за спиной вождя орудуют неизвестные публике заправилы наподобие жрецов, находившихся за идолом Ваала в Вавилоне.

Антон Дрекслер, забытый основатель партии

На облик германской национал-социалистической рабочей партии в значительной мере наложила отпечаток первая группа, из которой она выросла: те два десятка сереньких «людей из народа», которые собирались в мюнхенской пивной и основали там еще до Гитлера кружок для спасения нации. Сказанное остается в силе по настоящее время, хотя только немногие из этих инициаторов участвуют еще в настоящее время в национал-социалистическом движении, не играя в нем никакой роли.

Родоначальником «германской рабочей партии» явился слесарь Антон Дрекслер. Это был скромный ремесленник того типа, которых Раббе³ называет «нацией рассуждающих филистеров». Дрекслера никак нельзя считать талантом, оставшимся в тени только из-за недостатка образования. С великим трудом давалась ему какая-либо мысль или ее выражение. Зато идеи, завоеванные столь тяжелым путем, обычно владеют человеком безраздельно. Этот щедушный, узкогрудый, негодный к военной службе человек в очках свято верил в свою книжную мудрость. На подмогу этой вере приходило счастливое неведение всей трудности взятой на себя задачи. Как эту веру, так и свою наивную самоуверенность Дрекслер передал своему позднему товарищу по партии Гитлеру; последний обязан своему скромному товарищу значительно больше, чем он теперь признает. Правда, и Гитлер сделал из этого багажа больше, чем мог мечтать об этом Дрекслер.

Впоследствии Дрекслер порвал с Гитлером, так как считал его головокружительные успехи несчастьем для дела. По сию пору все еще остается нерешенным вопрос – не был ли он все же прав.

Бросаются в глаза некоторые черты сходства в биографиях Дрекслера и Гитлера; различие же в их биографиях состоит в том, что у члена партии № 1 (Дрекслера) все осталось в индивидуальном, ограниченном масштабе, а у члена партии № 7 (Гитлера) все приняло раздутые до бесконечности размеры. Еще будучи молодым рабочим, Дрекслер, как и Гитлер, вступил в конфликт с социал-демократическими профсоюзами; он жалуется, что вследствие террора со стороны этих последних он лишился места и должен был зарабатывать себе на хлеб игрой на цитре в ночных кофейнях. Так было положено начало его ненависти к марксизму. Впрочем, как и у Гитлера, главный политический интерес Дрекслера сосредоточивался прежде всего на вопросах внешней политики.

«Пробуждающийся рабочий» бьется над вопросом об ответственности Германии в мировой войне. В 1914 г. он разъезжал с гастроллирующим певческим кружком и пел в Цюрихе в хоре: «Копье в руках, коня пришпорив, помчимся в бой, помчимся в бой!» У Дрекслера эта песня вызывает угрызения совести. Для него эта песня – выражение подлинных настроений народа в данный момент. Но в то же время он сам считает, что будущее Германии покоится не на остриях копий, а зависит от народного характера: «Социалистическая природа немцев исцелит мир».

В социализме – спасение Германии от крупного интернационального капитала, который ныне, как стервятник, кружится над Германией в надежде поживиться мертвечиной. Быть может, не так уж велика была разница между этой теорией немецкого социализма, который должен был «исцелить мир», и практикой того интернационала, сильнейшим членом которого являлась германская социал-демократия.

Дрекслер с одобрением цитирует слова Шейдемана: война ведется не ради коммерции советников, крупных промышленников и крестьян-кулаков, а ради трудящегося народа, ради тружеников на фабрике, в мастерской, в шахтах и на полях. Германские социал-демократы большинства в годы войны, «социалисты кайзера», как их называли противники из левого крыла, пришлось бы вполне по вкусу иному национал-социалисту.

Но в 1917 г. рейхстаг принимает резолюцию в пользу мира; эта резолюция стоит нашему слесарю-пангерманцу бессонных ночей. Он вступает в мюнхенскую организацию «Патриотической партии», но разочаровывается в ней: душа народа осталась книгой за семью печатями для деятелей этой партии, впрочем, людей честных, большей частью ученых, художников и адвокатов. Дрекслер выступает на собраниях за войну до победного конца и против забастовки на патронных заводах; но в то же время он не понимает, почему правительство ничего не предпринимает против растущей дороговизны съестных припасов и обрушивается на обывателя, делающего небольшие запасы. В этой психологии Дрекслера сказывается типичная враждебность городского жителя к сельскому хозяйству; эта враждебность еще в течение многих лет отличала национал-социалистическую партию, которая в настоящее время приобрела столь резко выраженный аграрный характер.

В начале 1918 г. в Бремене организовался «Свободный комитет борьбы за немецкий рабочий мир», в который якобы входило несколько сот тысяч членов. Дрекслер привлек к нему в качестве мюнхенской секции «Свободный рабочий комитет борьбы за достижение доброго мира» с сорока членами. Эта группка, возникшая 7 марта 1918 г., и была началом «национал-социалистической германской рабочей партии».

Таким образом мюнхенский слесарь ошупью набрел на мысль о создании специфической рабочей партии военного времени, партии, начертавшей на своем знамени не только борьбу за победу нации, но также слепое повиновение вождям. «Мы должны, – заявил Дрекслер в 1918 г. в качестве руководителя своего мюнхенского “комитета мира”, – предоставить выработку деталей мирного договора верховному командованию, заслуживающему неограниченного доверия». Что касается самого Дрекслера, то в нем, конечно, говорила умственная робость человека мало начитанного, которому в то время еще приходилось выслушивать на собраниях объяснение того, что, собственно, значит по-немецки слово «антисемитизм». Однако и эта умственная робость тоже стала одним из элементов строительства будущей партии.

Из стремления приравнять интересы рабочих к интересам нации, народа развилось затем представление о Германии как особой нации. Созидающая (*schaffende*) Германия – жертва хищнических (*raffende*) западных держав. «Граждане-буржуа и граждане-рабочие, объединяйтесь!» – восклицает Дрекслер на собрании, которое ему удалось созвать осенью 1918 г. с помощью «Патриотической партии». Он требует их объединения в «национальный союз граждан». Но собрание отвечает ему руганью, и дело кончается скандалом. Теперь еще не настало время, чтобы люди прислушивались к предостережениям о том, что князья мамона с помощью масонской «ложи» хотят подчинить себе Германию, «продуктивную нацию».

Тем не менее Дрекслер не уходит от своих товарищей по классу. В 1918 г. он даже снова вступает в «свободный» социал-демократический профсоюз железнодорожников. Правда, он – странная фигура в этом профсоюзе. Выступая публично против «систематической деградации ремесла на железных дорогах», он борется против сознательных пролетариев и высоко держит знамя ремесленника. В политике профсоюза в области зарплаты этот «пролетарий» усматривает «уничтожение рабочими среднего сословия, национальной интеллигенции и частного предпринимателя». Кто выставляет такой тезис, тот, в сущности, мечтает поднять рабочего до положения мелкого и даже крупного буржуа, тот имеет в виду не солидарность рабочего класса, а лишь успех горсточки счастливых, вышедших в люди благодаря своему упорству и труду.

Кто же был первым политическим учителем малых сих? Вы не догадаетесь об этом... Не кто иной, как Вальтер Ратенау. Его филигранно-тонкие сентенции становятся в руках нашего железнодорожного слесаря национал-социалиста мощными метательными «снарядами»: «Мировая революция началась уже с первого момента мировой войны; бессознательной, но действительной целью этой революции было вытеснение капиталистической буржуазией феодальной гегемонии путем установления плутократически-конституционного государственного строя». Таковы были взгляды Ратенау⁴ писавшего об этом с оттенком и гру-

сти, и цинизма. Дрекслер просто повторяет эту тираду, но у него она уже дышит непримиримой ненавистью. В одном месте Ратенау говорит, что командные высоты мирового хозяйства находятся в руках каких-нибудь трехсот лиц. Десять лет этот афоризм служит боевым кличем национал-социалистов, украшая их плакаты и столбцы их газет; никакая пропаганда не могла бы выдумать более ходкого лозунга. Такую же роль сыграли слова Дизраэли⁵, что расовый вопрос является ключом к всемирной истории.

Ряд социал-демократов объявляется франкмасонами, сиречь слугами «золотого тельца». Достаточно «Форвертсу» согласиться по какому-нибудь отдельному вопросу с «Франкфуртской газетой», и Дрекслер видит в этом доказательство ложности социализма «Форвертса»; иначе такое согласие было бы, по мнению Дрекслера, невозможным. Вы назовете это ограниченностью? Но не забудьте, что мы приближаемся к тому времени, когда сильно ненавидеть гораздо важнее, чем правильно мыслить.

При всей своей кажущейся ограниченности этот разъяренный мещанин сохраняет за собой свободу мыслить по-своему. Он обвиняет марксизм в том, что тот превратил революцию в движение за повышение заработной платы и уничтожил способность Германии успешно конкурировать на мировом рынке. Однако вместе с тем Дрекслер позволяет себе также требовать от предпринимателей большего внимания к нуждам рабочих – старая тактика тех профсоюзов, которые стоят на почве классового мира. Тем не менее Дрекслер приемлет боевые профсоюзы, он борется только против политических партий, «злоупотребляющих» этими союзами. Судьба Германии зависит, по мнению Дрекслера, от того, будет ли ее руководящая верхушка обладать социальным чутьем, чтобы суметь вернуть себе доверие масс.

В сущности, в этой аляповатой формулировке уже заключается материал, из которого сделано национал-социалистическое «учение». Более того, сам Дрекслер как человек и товарищ был для Гитлера отчасти тем сырым материалом, из которого он вылепил первоначальный эскиз своей партии. Несомненно, под началом Дрекслера «германская рабочая партия» осталась бы кружком, разглагольствующим за своим постоянным столом в пивной о высоких политических материях, и Гитлеру, обладающему безусловным комбинаторским талантом, пришлось бы искать зацепки для своей созидательной деятельности где-либо в другом месте.

На долю Дрекслера выпал обычный удел изобретателя. В 1921 г. Гитлер, став хозяином фирмы, фактически устранил его от дел. Дрекслер был почетным председателем партии, которая к тому времени выступала уже с известной помпой; однако этот скромный человек продолжал работать в мюнхенских железнодорожных мастерских, пока раздраженные товарищи по работе не напали на «реакционера» с железными ломками и не прогнали его из мастерских. Это было весной 1923 г. Во время ноябрьского путча 1923 г. Гитлер смотрел на Дрекслера уже как на пустое место; в результате этого Дрекслер порвал с Гитлером; до 1928 г. он был депутатом фелькише⁶ (так называемой партии «тевтонцев») в баварском сейме, а затем окончательно сошел с политической сцены.

Кружок пивных политиков и его покровители

После революции существование «свободного рабочего комитета борьбы за достижение доброго мира» утратило свой смысл. 3 января 1919 г. Дрекслер перестроил его и основал «германскую рабочую партию». Ее председателем стал журналист Карл Харрер. «Партия» в составе сорока членов чувствовала себя достаточно многочисленной, чтобы выделить еще специальный орган – «политический рабочий кружок» из шести членов.

1 мая 1919 г. придало этому обществу некоторое, хотя и крохотное, политическое значение: советская республика в Мюнхене была свергнута, место ее заняло правительство буржуазно-социал-демократической коалиции; фактическим хозяином положения была военщина.

В последней еще жило гордое сознание четырехлетних якобы победоносных боев, жило раздражение против рокового исхода войны, жила ненависть к «предателям». Чтобы дать исход таким чувствам, буржуазные партии были слишком вялы и негибки. На этом фоне выделялась только группка Дрекслера, некогда поставившая себе целью «добрый мир». Огромная патриотическая партия покорно приняла к сведению окончание войны и сошла со сцены. Для старых крупных партий война закончилась печально, но все же закончилась; однако для военщины и для «германской рабочей партии» она еще не кончилась. Это сблизило обе эти группы, и из их идейного объединения возникло гитлеровское движение.

Германия представляла собой в то время вооруженный лагерь различных добровольческих формирований: бригада Эрхардта, Балтийская оборона, стрелки фон Хайдебрека, отряды добровольцев Пфедфера, Росбаха, Левенфельда, Лютцова, Лихтшлага, Химгау, Оберланда и Эппа⁷. Несколько позднее возник самый крупный из этих союзов – баварская гражданская оборона, а из него, в свою очередь, развилась «организация Эшериха» («Оргеш»), распространившаяся по всей Германии. Все эти союзы в последующие годы дали впервые кадры «национал-социалистической германской рабочей партии».

В 1919 г. к малочисленной тогда еще партии примкнул капитан Эрнст Рем из добровольческого отряда Эппа. Это имело решающее значение в истории партии. Храбрый солдат и только солдат, грубый вояка, заплесневевший в окопах, покрытый рубцами от ран, он был олицетворением вечной войны. Его настроение после революции характеризуется словами: «Я констатирую, что не принадлежу больше к этому народу. Припоминаю лишь, что некогда принадлежал к германской армии». Рем вкладывает эти слова в уста своего товарища, но на самом деле это его собственные мысли. К доброй половине офицерства этот грубоватый парень, сын баварского чиновника, питал ненависть; его рассказы о поведении многих офицеров во время войны могли бы оправдать десяток мятежей. Для солдат он прекрасный начальник; его организаторский талант проявляется во всем своем блеске при постройке нелегального военного аппарата, который он по долгу службы создает в 1920–1923 гг. в Баварии. Политикой он занимается со страстью, проявляя при этом непонимание ослепленного страстью человека: «Я смотрю на мир со своей солдатской точки зрения – сознательно односторонне».

Рем был примерно шестидесятым по счету членом «германской рабочей партии» и постепенно вовлек в нее многих своих друзей из рейхсвера – офицеров и солдат. Это было тогда чем-то само собой разумеющимся. До 1923 г. костяком движения были почти исключительно солдаты рейхсвера и полиция.

Партия уже тогда имела двух покровителей, располагавших большими связями в обществе: писателя Дитриха Эккарта и инженера Готфрида Федера⁸. Эккарт был типичным баварцем, крепким круглоголовым парнем, умевшим пожить. В бытность свою временным редактором «Локаль анцайгера» Шерля он написал несколько драм из эпохи Гогенштауфенов и Ренессанса; кроме того, он перевел «Пер Гюнта»⁹. Таким образом, его внимание было направлено в сторону северных народов. Впоследствии революция зажгла в нем интерес к политике. Слабые стороны революции, в особенности мюнхенской советской республики, раззадорили в нем сатирическую жилку; он основал сатирический листок «Ауф гут дейч» («Чисто по-немецки») который с грубым остроумием, по-журналистски хлестко бил по больным местам противника, служившим мишенью для его антисемитских выпадов. В отношении к «германской рабочей партии» он находился вначале на положении высокого патрона. Симпатии его склонялись больше в сторону «объединения германских граждан», которое он собирался основать в мае 1919 г. «Как будто бы фабричный рабочий не является гражданином, – пишет он в своем воззвании, – неужели каждый оседлый житель непременно лодырь, непременно капиталист? Долой зависть! Но долой также роскошь и мишуру! Мы хотим снова опроститься, снова стать немцами, мы требуем немецкого социализма. Пусть имеет влияние только тот, у кого в

жилах течет германская кровь». Это – «идеология» литературной богемы, человека, который хотел бы иметь свой домик и комфорт, сносно зарабатывать пером на жизнь и быть на хорошем счету у своего дворника. Прошло некоторое время, пока Дитрих Эккарт заметил, что ему незачем создавать новую организацию, так как его «объединение граждан» уже существует – в лице «германской рабочей партии».

Тем временем Федер усиленно наставлял эту партию на путь «науки». Федер – по профессии инженер-строитель; одно время он был самостоятельным предпринимателем и работал за границей. Когда ему в 1918 г. стукнуло тридцать пять лет, ему пришла в голову «великая» идея об «уничтожении процентного рабства». В одну ночь он написал докладную записку, в которой изложил свою мысль; полный надежд, он передал записку баварскому правительству и – обычный удел! – получил любезный отказ. Его дальнейшая биография тоже протекает по трафарету: неудачник отстаивает свой проект. Под влиянием Федера, который с готовностью выступает в каждой идущей ему навстречу группе, в «германской рабочей партии» вырабатываются зачатки программы. Основные пункты ее заключаются в следующем: суверенные права собственности на землю сохраняются за государством, запрет частной продажи земельных участков, замена римского права немецким народным правом, национализация банков и уничтожение «вечного процента» путем постепенной амортизации капитала. Отношение к евреям еще относительно мягкое; они не могут больше становиться судьями, учителями и вождями германского народа, но могут посылать своих представителей в парламент соответственно цифре еврейского населения. Это – программа на будущее. Что касается требований настоящего момента, то «они укладываются в рамки требований других «левых партий», и поэтому нет надобности перечислять их здесь». Так буквально говорится в «Фелькишер беобахтер»¹⁰ (тогда газета называлась еще «Мюнхенер беобахтер») от 31 мая 1919 г.

Да, тогда эти господа считали себя еще «левой партией». Это была ориентировка Харрера, журналиста умеренного толка, и Дрекслера, у которого руки были еще в пролетарских мозолях от напильника. А Федер, уважаемый лектор, был не из того теста, чтобы собственными силами найти новую политическую ориентировку, а тем более повести хотя бы самую немногочисленную группу сторонников по новому пути.

И все же Федер дал Гитлеру его первую руководящую политическую идею, точно так же как Дрекслер дал ему человеческий материал. Существуют такие архимедовы таланты, которые в состоянии творить великое только тогда, когда кто-нибудь другой даст им точку опоры или видимость таковой.

Темное прошлое Гитлера

Адольф Гитлер родился 20 апреля 1889 г. в Австрии в Браунау на Инне, где отец его служил таможенным чиновником. По счастливой случайности семья, его переименовала (по семейным соображениям) фамилию Шикльгрубер на Гитлер. С прежней фамилией, при всей ее мещанской достопочтенности, Гитлеру было бы труднее стать вождем миллионной партии.

Первые годы детства Гитлер провел в баварском городке Пассау, следующие – в Линце на Дунае. В Линце преподавал историю учитель, настроенный «пангермански» и считавшийся в Австрии Франца-Иосифа «революционером», на самом же деле фальсифицировавший всемирную историю под углом зрения «героического германского эпоса». Впоследствии Гитлер никогда не мог преодолеть результатов этого сусального преподавания. Любимым героем австрийца Гитлера стал пруссак Фридрих Великий. В этой школе Гитлеру привиты были наивная вера в школьную же мудрость и склонность видеть все в упрощенных и грубых очертаниях.

Шестнадцати лет Гитлер потерял отца и мать и перенес тяжелую болезнь легких. Как он сам рассказывает, отец считал его неудачным сыном, из которого не выйдет ничего путного; в школе он учился плохо, последние два года жизни матери он провел дома без дела. В своей

автобиографии Гитлер говорит об этих малопривлекательных своих чертах осторожно, но все же так, что читатель получает о них достаточное представление. Свои слабые успехи в школе Гитлер оправдывает своим «идеалом» – желанием стать художником. Но для этого у него нет дарования, как сухо заявил ему об этом ректор Венской художественной академии. Имеются, правда, способности к рисованию, но для поступления в архитектурную школу ему не хватало образования, так как он нерегулярно посещал школу и не сдал экзамена.

Молодой человек начал свою самостоятельную жизнь как зазнавшийся и бьющий баклуши недоросль, а вовсе не как необузданный гений. Он сам делает себе упреки. По своему материальному положению он, как и тысячи других, легко мог бы получить школьное образование, но оно было ему не по нутру. Следов самообразования у него тоже не замечается, за исключением беспорядочной страсти к чтению и театру; особенно восторгался он Вагнером. Одним словом, Гитлер имел все данные, чтобы превратиться в то, что называют «фруктом».

Но, к счастью для него, дела его пошли плохо. Уроки и стипендии прекратились; пришлось взяться за работу, за какую бы то ни было работу. Однако он не знал никакой работы. Поэтому он становится подручным рабочим на постройке в Вене. Еще недавно студент, художник, гений – он носит теперь кирпичи; а между тем от отца он унаследовал уважение к чиновной иерархии. Только сильная натура может перенести такой прыжок с высоты, не сломав шеи. Молодой Гитлер – не такая сильная натура. Но он достаточно крепок, чтобы сохранить свое лицо, а это значит для него: не стать «пролетарием».

В теоретическом отношении он склоняется к социал-демократии. Но практически этот юнец должен еще всему учиться. Первый жизненный опыт, с которым он сталкивается, – это солидарность рабочего класса. Товарищи по работе пытаются заставить его вступить в профсоюз. Как, его, художника?! Здесь Гитлер, вынужденный на время стать рабочим, проводит резкую грань между своей судьбой и судьбой пролетария: «Моя одежда была еще приличной, выражался я литературно, вел себя сдержанно. Я лишь искал работы, чтобы не умереть с голоду и иметь возможность продолжать образование хотя бы урывками. Я вообще, быть может, не обратил бы никакого внимания на окружающую меня среду, если бы не...» Да, если бы эта среда сама не обратила на него своего внимания и не потребовала его вступления в профсоюз, с помощью которого рабочий защищает свои скромные права.

Гитлер наотрез отказался. Он не может и не желает стать товарищем людей, которые «всё отвергают»: нацию как выдумку класса капиталистов, отечество как орудие буржуазии для эксплуатации рабочего класса, закон как инструмент для угнетения пролетариата, школу как институт для воспитания рабов, мораль как печать глупого овечьего долготерпения.

Ближайшим результатом было то, что товарищи прогнали Гитлера с места его работы. Это зародило в нем его «антимарксизм».

Примерно в двадцать лет Гитлер переменил профессию и изучал архитектурное черчение. В политике он оставался наблюдателем; вероятно, политические интересы стояли у него в то время не на первом плане. Веру в великую Германию, ненависть к монархии Габсбургов он воспринял еще на школьной скамье в Линце. Это были вера и ненависть, характерные для активных элементов среди австрийских немцев, в особенности с 1897 г., со времени издания графом Бадени¹¹ благоприятных чехам «распоряжений о языках», со времени возникновения в восьмидесятих годах немецко-национального движения под руководством Шенерера и Вольфа¹².

В столице государства, населенного немцами, славянами, мадьярами, итальянцами и румынами, расовый вопрос вставал сам собой. Его специфическое проявление – антисемитизм имел в Вене, в которой живет много евреев из восточных провинций, чисто национальный характер и был господствующим направлением: бургомистром Вены был д-р Карл Люэгер¹³, вождь христианско-социальной партии и застрельщик антисемитского движения. Этот выда-

ющийся человек произвел на Гитлера сильное впечатление, во всяком случае гораздо более сильное, чем существовавшие уже тогда австрийские национал-социалисты. С последними он не имел ничего общего. Но антисемитизм Люэгера имел в виду уничтожение еврейства путем крещения. Из Гитлера же развился зоологический антисемит, для которого все дело в наследственных признаках, а убеждения не играют никакой роли. Однако, согласно изложению Гитлера, все это имелось у него в годы, когда он жил в Вене, только в зародыше. Что он оставил Вену уже антисемитом – это возможно. Был ли он тогда уже, как он утверждает, сложившимся «антисемитом», в этом можно усомниться.

По званию своему архитектурный чертежник, на самом же деле маляр, Гитлер переселился в 1912 г. в Мюнхен, где почувствовал себя гораздо лучше, чем в Вене. Что отравило ему пребывание в Вене, мы не знаем. Мюнхен стал его второй родиной. В австрийской армии ему не пришлось служить, так как по состоянию здоровья он был признан негодным к военной службе. В середине августа 1914 г. он, как и другие его сверстники, поступил в армию добровольцем, а именно в 16-й баварский резервный полк. Этот полк понес особенно тяжелые потери. Предоставим спор о солдатских подвигах Гитлера любителям такого рода полемики; так или иначе он получил орден Железного креста первого класса. Для ефрейтора – редкое отличие, хотя, по свидетельству его позднейшего друга Рема, его легче было получить при штабе, к которому Гитлер был прикомандирован, нежели в окопах. В 1916 г. Гитлер отклонил австрийское требование о переходе в австро-венгерскую армию. В конце войны он чуть не ослеп вследствие отравления газами. Второй раз организм Гитлера во власти тяжелой болезни, и у него появляются черты истерии.

Двадцатидевятилетний Гитлер, переживший германскую революцию в Пазевальском лазарете, отличается многими талантами и недостатками. За свои достоинства ему приходится расплачиваться: он не дозрел до среднего уровня своих сверстников; у него больше мыслей в голове, чем у них, он много читал и думал, но ему чужды рассудительность и нормальные чувства прочих людей. Как сообщают его товарищи, в роте Гитлера считали ненормальным, и он не имел друзей. Но такая психика имеет также свои преимущества. Гитлеру не импонирует банальный здравый рассудок, он не боится суда толпы. Инфантильная черта становится его преимуществом как пропагандиста; он увлекает за собой слушателей с такой же беззаботностью, с какой нервное дитя тиранизирует семью.

Зиму 1918/19 г. Гитлер провел при запасном батальоне своего полка в Траунштейне, в Верхней Баварии. В дни советской республики – он снова в Мюнхене в полку. Передают его высказывания в этот период в кругу товарищей: он иногда заявлял себя сторонником социал-демократии большинства, говорил даже о своем вступлении в эту партию. Если Гитлер действительно говорил это, то, несомненно, из тактических, а не принципиальных соображений. Тогда немало людей считали эту социал-демократию правой партией, которая давно утратила свое довоенное лицо и не обрела еще нового.

Солдаты ищут себе партию

После завоевания Мюнхена рейхсвером и добровольцами Гитлер исполняет при втором пехотном полку работу, которая не каждому была бы по душе; он работает в следственной комиссии по делам революции и составляет обвинительные акты. Предавать палачу лежачего врага стало для этого человека, так хорошо умеющего ненавидеть, настоящим наслаждением. Будущий «трибунал мести», «летающие с плеч головы» – во всем этом Гитлер упражняется уже во втором пехотном полку.

Решающее значение для карьеры Гитлера имели военнополитические курсы, на которые он записался. На этих курсах он в июне 1919 г. впервые услышал лекцию Готфрида Федерера и пришел от нее в восторг. Эти солдаты контрреволюции хотели быть не только солдатами, они

хотели основать свою партию. Гитлер стал их оратором и идеологом, заимствовав программу у Федера. Разграничение между «продуктивным» и «спекулятивным» капиталом встретило также горячее одобрение начальника Гитлера, майора Хирля¹⁴.

После антисемитской речи, произнесенной Гитлером на дискуссии в этом кругу, его начальство решило, что он вполне подходит для роли «офицера-лектора» в каком-нибудь мюнхенском полку. Задачей этого офицера было читать солдатам политические лекции; надо было снова научить солдат «мыслить и чувствовать в национально-патриотическом духе», как это было до революции. Гитлер использовал эту возможность, чтобы наловчиться в ораторских выступлениях, в особенности чтобы укрепить свой голос, пострадавший от отравления газами. Многие из его тогдашних слушателей образовали впоследствии часть гитлеровской партии.

Вспомним, что Федер, новый знакомый Гитлера, был покровителем «германской рабочей партии» Дрекслера и Харрера и читал доклады на ее собраниях. Таким образом, имелась нужная связь. В довершение Гитлер получил служебное поручение познакомиться с этой партией. Дело в том, что рейхсвер, выросший из добровольческих отрядов, проявлял тогда чрезвычайный интерес к политике. Он искал партию, которая проводила бы политику военщины, точнее – с помощью которой военщина могла бы проводить свою политику; он, так сказать, искал лафета для своего орудия. Гитлеру принадлежит та заслуга, что он нашел партию для политиканствующих офицеров мюнхенского рейхсвера и с помощью своих покровителей приспособил ее для надобностей последнего.

При первом своем посещении собрания дрекслеровцев – оно состоялось в задней комнате одной из мюнхенских пивных – Гитлер дал волю своему темпераменту и разгромил в страстной речи оратора, выступавшего на дискуссии в партикуляристском¹⁵ духе. Это заслужило ему внимание со стороны Дрекслера, который пригласил его вступить в партию. Гитлер согласился и стал членом партии, получив членский билет № 7 «политического рабочего кружка», а не самой партии, которая тогда уже несколько выросла. Это произошло в июле 1919 г. Наряду с этим Гитлер оставался в полку еще три четверти года, до 1 апреля 1920 г. Он был тогда уже известным оратором, «народным демагогом» и мятежником, но рейхсвер все еще давал ему средства к жизни.

Дрекслеровцы принадлежали к числу тех людей, для которых полное согласие семи товарищей по каждому отдельному пункту было важнее, чем согласие тысяч людей с отдельными пунктами их требований. Этот педантизм, убивавший всякое живое дело, можно сказать, и толкнул Гитлера на путь диктатуры в кружке. Вначале она приняла форму борьбы между отделами партийного аппарата. Гитлер взял на себя область пропаганды и не позволял никому другому вмешиваться в это дело. Устроить ли массовку, на какую тему, в каком помещении – все это решал исключительно он один. Зато такого важного вопроса, как заказать для общества круглую или квадратную печать, он совершенно не касался.

Но это разделение функций удалось не сразу. Весь 1919 г. прошел в ожесточенной и смехотворной склоке внутри кружка. В частности, «имперский председатель» партии Харрер был против выдвижения члена № 7 в качестве оратора. Он ценил Гитлера, но считал его плохим оратором. Первые ораторские успехи Гитлера тоже не заставили Харрера изменить свое мнение. Когда Гитлер в октябре 1919 г. выступил впервые на открытом собрании – еще не очень многочисленном, набралось всего несколько сот слушателей, – после его речи на эстраду поднялся Харрер и обратился к публике с предостережением против буйствующего антисемитизма. В этот период партия считала себя еще «левой».

Тема этого первого публичного выступления Гитлера была «Брест-Литовск и Версаль», – настоящая тема для рейхсвера, так же как и Брест-Литовский мир был настоящим рейхсверовским миром. Гитлер доказывал – возможно, по поручению свыше, – что Версальский мир никоим образом не следует считать справедливой карой за тяжелые условия Брест-Литовского мира. Итак, первые же публичные выступления новой партии относились к вопросам внешней

политики. Лично Гитлер больше предавался размышлениям об уничтожении «процентного рабства» и о роли еврейства; но партия желала прежде всего стать рычагом внешней политики. Такова была также мысль Дрекслера, который все предоставлял верховному командованию, всецело на него полагаясь. Верховного командования уже не существовало, но новое движение по-прежнему сохранило характер такого рычага: это не было движение рабочих за дело рабочих, а движение за дело «нации», причем эта «нация» на деле находилась в лагере офицеров рейхсвера, Эппов и Ремов. Их ученик Гитлер работал теперь в качестве сапера, выполняющего известную предварительную работу для будущего овладения определенными политическими позициями.

Программа

Благодаря настояниям Гитлера главной темой дискуссий в кружке стала проблема: «70 или 70 000» (членов)? Гитлер уже отлично знал, в чем заключается сущность пропаганды: в воздействии на широкие массы, в умении сосредоточить свою пропаганду в немногих пунктах, в постоянном повторении этих пунктов, в нарочитой формулировке их текста в виде раз навсегда данных утверждений, в чрезвычайной настойчивости при их распространении и в таком же долготерпении при выжидании результатов. Все это очень толково доказывалось Гитлером, но убедило других далеко не сразу. Дело дошло до раздора, который окончился в январе 1920 г. уходом Харрера с поста «имперского председателя» партии.

Тем временем с партией сблизился новый покровитель – врач д-р Иоганнес Дингфельдер. Он писал в националистических газетах под псевдонимом «Германус Агрикола». Его писания можно, скорее всего, назвать экономической мистикой в немецко-националистическом духе. Федеровская более или менее конкретная агитация против «процентного рабства» приняла у Дингфельдера формы борьбы против «гордыни денег», «иллюзии денег» и т. п. Ему мерещилась гибель человечества в результате общего сокращения производства – так сильно действовало тогда на умы тяжелое продовольственное положение Германии, отголосок английской блокады. Дингфельдер предвидел, что «природа забастует, сократит свои дары, а остальное съедят черви». Дингфельдер, а не Гитлер был главным оратором на окутанном ныне легендами собрании 24 февраля 1920 г. в мюнхенском ресторане Хофброй, на котором была принята программа партии.

Гитлер изображает в своей книге это собрание очень односторонне. Центром внимания на собрании в действительности был доклад Дингфельдера, встреченный присутствующими спокойно. Гитлер вместе с Федером и Дрекслером выработал известные 25 программных пунктов и зачитал их на собрании под шум и шиканье противников. Так эти 25 пунктов были переданы гласности; однако никто не уделял им в дальнейшем внимания. «Фелькишер беобахтер» не упоминает о них ни единым словом. Что касается самого собрания, то его кульминационным пунктом была резолюция протеста против предоставления еврейской общине муки на выпечку мацы (пасхальных опресноков).

У нас как-то мало обращают внимания на то, что в действительности не существует программы национал-социалистической германской рабочей партии, а есть только программа «германской рабочей партии». Так называлась партия еще во время своего первого публичного выступления. Что касается Гитлера, то он лично охотнее всего дал бы ей тогда название «социально-революционной партии».

Двадцать пять пунктов не имеют значения подлинной программы; как средство пропаганды они тоже не имели того успеха, которого ожидали от них Федер и Дрекслер. Однако, поскольку в этих 25 пунктах так или иначе сказался дух партии, нельзя оставить их без рассмотрения. Приводим их текст:

«Программа германской рабочей партии является программой на известное время. Вожди партии отказываются выставить по достижении целей этой программы новые цели, выставить исключительно для того, чтобы путем разжигания недовольства масс обеспечить возможность дальнейшего существования партии.

1. Мы требуем объединения всех немцев в Великую Германию на основе права самоопределения народов.

2. Мы требуем равноправия немецкого народа с другими нациями, отмены Версальского и Сен-Жерменского мирных договоров.

3. Мы требуем территории и земли (колоний) для пропитания нашего народа и для поселения нашего избыточного населения.

4. Гражданином государства может быть только тот, кто принадлежит к немецкому народу. Принадлежать к немецкому народу может только тот, в чьих жилах течет немецкая кровь, без различия вероисповедания. Поэтому евреи не могут принадлежать к немецкому народу.

5. Кто не является гражданином государства, может жить в Германии только на правах гостя и подлежит законам о чужестранцах.

6. Право участвовать в управлении и законодательстве государства может принадлежать только гражданину государства. Поэтому мы требуем, чтобы каждую общественную должность, безразлично какую и безразлично на службе ли империи, одного из союзных государств или общины, могли занимать только граждане государства.

Мы боремся против развращающей парламентской практики назначения на ту или другую должность исключительно по партийным соображениям, не считаясь с характером и способностями людей.

7. Мы требуем, чтобы государство взяло на себя обязательство в первую очередь заботиться о зароботке и пропитании граждан. Если невозможно прокормить все население государства, необходимо выслать из империи представителей других наций (лиц, не являющихся гражданами государства).

8. Необходимо воспрепятствовать всякой дальнейшей иммиграции лиц ненемецкого происхождения. Мы требуем, чтобы всех лиц ненемецкого происхождения, поселившихся в Германии с 2 августа 1914 г., немедленно заставили покинуть страну.

9. Все граждане должны обладать равными правами и нести равные обязанности.

10. Первым долгом каждого гражданина должен быть творческий труд, умственный или физический. Деятельность отдельного лица не должна нарушать интересов общества, она должна протекать в рамках целого и на пользу всех.

Поэтому мы требуем:

11. Отмены нетрудового дохода, «уничтожения процентного рабства».

12. Ввиду колоссальных жертв – людьми и имуществом, которых каждая война требует от народа, личное обогащение на войне должно считаться преступлением по отношению к народу. Мы требуем поэтому полной конфискации всех военных прибылей.

13. Мы требуем огосударствления всех уже (до сих пор) обобществленных производств (трестов).

14. Мы требуем участия в прибылях крупных предприятий.

13. Мы требуем широкого и систематического обеспечения престарелых.

16. Мы требуем создания здорового среднего сословия и его сохранения, немедленной муниципализации больших универсальных магазинов и отдачи их в аренду по дешевой цене мелким торговцам, особого внимания к интересам мелких промышленников и ремесленников при поставках для государства, провинций и общин.

17. Мы требуем земельной реформы, отвечающей национальным потребностям, издания закона о безвозмездной конфискации земли для общепользовательных целей, отмены поземельной ренты и запрета всякой спекуляции землей.

18. Мы требуем беспощадной борьбы против нарушителей общественных интересов. Преступники перед народом, ростовщики, спекулянты и т. п. должны караться смертной казнью независимо от своего вероисповедания или расы.

19. Мы требуем замены материалистического римского права немецким народным правом.

20. Для того чтобы дать возможность каждому способному и прилежному немцу получить высшее образование и таким образом достичь ответственного положения, государство должно провести коренную реформу всего дела нашего народного просвещения. Учебные планы всех учебных учреждений должны быть приспособлены к практическим потребностям. Школа должна внушать детям идею государства уже в самом начале их сознательной жизни (отечествоведение). Мы требуем обучения за счет государства особенно одаренных детей бедных родителей вне зависимости от сословия и профессии последних.

21. Государство должно заботиться о поднятии народного здоровья: путем охраны матери и ребенка, запрещения детского труда, введения в законодательном порядке обязательной гимнастики и спорта в целях поднятия физического уровня и, наконец, путем самой широкой поддержки всех союзов, занимающихся физическим воспитанием молодежи.

22. Мы требуем упразднения наемного войска и образования народной армии.

23. Мы требуем законодательной борьбы против сознательного политического обмана и распространения его через печать. Чтобы сделать возможным создание действительно немецкой печати, мы требуем:

а) все редакторы и сотрудники газет, выходящих на немецком языке, должны принадлежать к немецкому народу;

б) немнемецкие газеты нуждаются в особом разрешении со стороны государства; они не должны выходить на немецком языке;

в) всякое финансовое участие в немецких газетах или влияние на них должно быть по закону запрещено лицам немнемецкого происхождения; мы требуем, чтобы нарушения этого запрета карались закрытием газеты и немедленной высылкой из Германии провинившихся лиц немнемецкого происхождения.

Газеты, нарушающие интересы общественного блага, подлежат запрещению. Мы требуем законодательной борьбы против направления в искусстве и литературе, вносящего разложение в жизнь нашего народа, и закрытия издательств, которые нарушают вышеприведенные требования.

24. Мы требуем свободы всех вероисповеданий в государстве, поскольку они не угрожают его существованию и не нарушают морального чувства германской расы.

Партия как таковая стоит на почве положительного христианства, не связывая себя с тем или иным определенным вероисповеданием. Она ведет борьбу против еврейско-материалистического духа внутри нас и вне нас и убеждена, что длительное оздоровление нашего народа может последовать только изнутри на основе: общее благо выше личной выгоды.

25. Для проведения всего этого мы требуем: создания сильной центральной государственной власти, неограниченной власти центрального политического парламента над всей империей и над всеми ее организациями, создания сословных и профессиональных палат для проведения общегерманских законов в отдельных союзных государствах Германии.

Вожди партии обещают неукоснительно бороться за осуществление вышеприведенных требований и в случае необходимости пожертвовать за нее собственной жизнью.

Мюнхен, 24 февраля 1920 г.».

Ключом к этой программе, обращающей на себя внимание своим корявым немецким языком, является последняя строка с датой. Авторы программы назвали ее «временной программой». В действительности это не только программа на время, но также программа своего времени, созданная для определенного времени. Это время давно прошло. Борьба за влияние внутри партии заставила Гитлера в 1926 г. объявить эту временную программу незыблемой и неизменной, хотя сам он сомневается в правильности многих ее положений и в своей книге открыто высказывает эти сомнения. Дело в том, что в 1926 г. возникло новое национал-социалистическое движение, которое имеет уже мало общего со старой программой «мелкого люда».

Это была программа пангерманцев, переложенная на язык мешанства, в которой нашли отражение идеи революции и контрреволюции 1918–1919 гг. Она возникла еще до того, как национал-социализм в качестве партии, стоящей на платформе внутригерманского империалистского меньшинства, повел гражданскую войну против большинства нации, против массы, и уж тем паче до того, как у национал-социализма появилась претензия завоевать и перестроить умы большинства. Эта программа (1920 г.) еще не предъявляет притязаний на государственную власть, она лишь обращается к ней с требованиями. Вместо гордого «мы сделаем то-то и то-то» пункты программы начинаются демагогическими словами: «мы требуем».

Будущий вождь партии Гитлер сделал требование пангерманцев первым пунктом программы; в первом и во втором пунктах нашел себе выражение внешнеполитический характер партии. От третьего пункта в его первоначальном смысле партия давно отказалась, объявив об этом во всеуслышание; она отвергает требование колоний вне Европы и требует вместо них расширения на восток.

Антисемитские пп. 4–8, 23 и 24 выражают победу Гитлера над Харрером, но пока еще только компромиссную победу. Это, так сказать, прилизанный, изысканный книжный антисемитизм, парящий в эмпиреях «народности» и еще весьма далекий от позднейшего лозунга: «бей жидов». Но эти пункты, на что редко обращают внимание, в случае надобности могут быть расширены; в следующие годы Гитлер в своих речах придал им в отдельных случаях свирепое расширительное толкование. Много позже, в 1928 г., он снова вернулся к более мягкой формулировке: евреи могут чувствовать себя в Германии хорошо, если будут прилично вести себя, но, конечно, к немецкому народу они не принадлежат.

Пункт 9 с его «равноправием» является явной уступкой духу времени. Государство в государстве, которое начинает образовывать национал-социалистическая партия 1930 г., покоится именно на неравенстве обязанностей; такой же характер носит государство будущего, которое защищают в своих речах главари партии.

Пункты 10–14 и 17 представляют собой социалистическую часть программы. Впоследствии партия забыла эти пункты в своих публичных выступлениях и в своей прессе, а за кулисами отреклась от них. Пункт 17 был попросту выброшен за борт. Зато п. 11, самый сомнительный, самый спорный и отвергаемый широкими партийными кругами (знаменитое «уничтожение процентного рабства»), получил важное значение, о котором и не догадывались авторы программы – они уразумели его значение лишь с большим опозданием. Этот пункт и отказ от п. 17 завоевывают для партии с 1929 г. сердца сельских хозяев, изнывающих под бременем долгов.

Пункт 15 – «социальная» часть программы, п. 16, пожалуй, – гвоздь ее; мы имеем в виду то место, где говорится о среднем сословии. Поставленный перед альтернативой высказаться в пользу служащих универсальных магазинов или в пользу мелких торговцев, национал-социалистический «германский рабочий союз» в лице своей мюнхенской группы высказался в пользу лавочников.

Дипломатическим шедевром является п. 24, в котором подчеркнут нейтралитет партии по отношению к различным вероисповеданиям, причем этот нейтралитет связывается с «хозяйственной этикой» партии.

Пункт 23 можно было бы назвать культурной программой, которая сознательно и с верным практическим чутьем ограничивается вопросом о культурных средствах, содержание же культуры предоставляет ее собственному росту. В этом пункте пропагандист Гитлер заблаговременно обеспечил национал-социалистическому государству все орудия культурной пропаганды и сохранил за собой свободу пользоваться ими для тех или других целей. Здесь в программе имеется даже каламбур: как впоследствии выяснилось, п. 6 означает, что, например, газете «Берлинер тагеблатт» не возбраняется выходить в свет, но... на еврейском языке.

Пункт 25—0 сильной имперской власти – детище Гитлера. Впрочем, впоследствии Гитлеру придется в зависимости от обстоятельств иногда смягчать централизм. Впоследствии при изложении этого пункта Гитлер с особенным блеском проявил силу своего ораторского таланта, свое умение выражаться так, что слова его можно толковать в самом различном смысле. Скрижали своих принципов он окружил фейерверком риторики, в котором они теряют свои очертания и обманывают мишурным блеском. Так произошло впоследствии. Одно было ему ясно уже давно: хотя ему и пришлось в дальнейшем плыть по течению и использовать баварские настроения, тем не менее организованный баварский федерализм является его сильнейшим конкурентом. Пункт 25 подчеркивает: имейте в виду, это не баварская, не антипрусская программа. Государство покоится на силе, а не на договоре, германская империя – не союз государств, а единое государство с известными подразделениями; немцы не просто живут вместе на одной территории, а управляются единой властью. Центральная имперская власть должна быть мощным, железным кулаком, а не пастушеской идиллией.

Все прочие программные требования более или менее улетучились в процессе роста партии. Но это требование сохранилось, и в отношении его в первую очередь должно будет показать себя национал-социалистическое искусство управления.

Два человека нападают на город

На пороге 1920 г. Гитлер очутился, можно сказать, с глазу на глаз со своей сомнительной программой. В самом деле, кого еще имела партия, кроме него? Дитриху Эккарту мерещится буржуазное единение под знаком свастики. Федер, конечно, доволен программой, в которой имеется так много его идей, но для него важнее основанный им в мае 1920 г. «Союз борьбы за уничтожение процентного рабства». Последний плохо вяжется с характером Гитлера и его грубоватых вояк. Этот союз «видит в отравлении нашей общественной жизни ненавистническим и неделовым методом борьбы результат погони за деньгами, слепой жажды денег и безраздельного господства золотого тельца». Да, вот какой была некогда программа национал-социалистического теоретика-экономиста! Плохой союзник для Гитлера, проповедующего «фанатизм и даже нетерпимость» как необходимые предпосылки победы и заявляющего своим приверженцам: «не бояться ненависти со стороны врагов нашей народности и нашего мировоззрения, а желать ее – вот наш девиз».

Впрочем, в начале 1920 г. у Гитлера появился товарищ, который не был рядовой фигурой. Это – совсем молоденький журналист Герман Эссер¹⁶. Гитлер познакомился с ним в рейхсвере, где Эссер был референтом по вопросам печати. Это не скромный мечтатель, не тихий рабочий, а крикун и скандалист; он умеет поднимать шум и понимает толк в этом искусстве чуть ли не лучше самого Гитлера. Последний, говоря о «еврейском вопросе», прибегает к образам, часто вплетая в свою речь народные прибаутки; Эссер же сделал открытие, что еврейский торговец обувью Х. незаконно получил в Мюнхене квартиру в семь комнат. Рисуя роскошный образ жизни своей жертвы, Эссер доводит до белого каления своих бедно одетых слушателей, все еще живущих пайком, получаемым по хлебным карточкам. Он словно сорвался с цепи; как и Гитлер, он – демон ораторского искусства, но гораздо более низкого пошиба. В своем тоне и манерах он не знает никакого удержу; они не делают привлекательным самого оратора, но

зато с убийственной меткостью бьют его противников. У Гитлера все еще существуют сдерживающие центры; но они совершенно отсутствуют у этого безусого юноши, который в ноябре 1918 г. основал в Кемптене революционный совет школьников, требовал в солдатском совете виселицы для ряда буржуа, а в 1919 г. еще гастролировал в одной из социал-демократических газет. Свою настоящую политическую линию Эссер нашел, только очутившись в рейхсвере. Словом, это тип далеко не идеальный. Даже Гитлер, сам не стеснявшийся в выражениях, впоследствии никогда не выпускает на передний план своего старейшего соратника. Но в первые годы этот человек был незаменим хотя бы потому, что, кроме него, не было никого другого.

Не следует думать, что оба незнакомца – Гитлер и Эссер – завоевали город Мюнхен сразу, одним бешеным натиском; не следует думать, что первые устроенные ими собрания были чем-то из ряда вон выдающимся. В своих речах и писаниях Гитлер изображает дело так, будто буржуазия в то время вообще не в состоянии была устраивать больших политических собраний; это просто неверно. Напротив, «союз народного наступления и обороны» устраивал довольно часто массовые собрания, на которых слушатели приходили в дикий восторг, когда выступал, например, антисемитский агитатор Керлен или руководитель движения заграничных немцев д-р Ромедер. Этот союз одно время насчитывал 100 тыс. членов, разбросанных по всей Германии. Кто в то время публично выступал в Мюнхене против евреев, тому заранее был обеспечен успех, а национал-социалистическая партия была вначале для публики не чем иным, как одним из многих антисемитских обществ. Такие выступления вовсе не были сопряжены с опасностью для жизни оратора, как это теперь представляет Гитлер. Со времени подавления советской республики «красные» были более или менее запуганы; впрочем, они и до того терпеливо выслушивали на своих собственных собраниях выступления противников. Конечно, бывало, что поднимался шум и оратора прерывали, когда, скажем, он называл социал-демократических лидеров бандой изменников, подкупленных евреями. Но это не выходило из обычных границ и было далеко от «систематического террора на собраниях».

Борьба против вытюженных брюк

В действительности самым опасным врагом для агитаторов из буржуазного лагеря была тогда сама же национал-социалистическая партия. Она еще не срывала тогда собраний буржуазии, но уже ожесточенно конкурировала со своим более мягкотелым соперником и немилосердно побивала его. Буржуазный редактор газеты «Мюнхенер нейесте нахрихтен» д-р Герлих, в настоящее время резкий противник национал-социализма, изобрел в то время понятие «марксизма» в том полемическом смысле, который оно имеет теперь: «марксисты» – это все социалисты, входящие в интернационалы, безразлично, будь то социал-демократия, независимые или коммунисты. Постепенно национал-социалисты сами усвоили этот великолепный лозунг («против марксизма»), но зато потом они без разбора пользовались им почти против всех своих противников. Сам изобретатель этого лозунга впоследствии попал под подозрение как «пособник марксизма» и «товарищ евреев».

Помимо этого, представлялось достаточно случаев для конкуренции, на которой юный национал-социализм оттачивал свой клюв. Тогда, например, существовала «немецкая социалистическая партия», пользовавшаяся милостью тех же покровителей; она была крупнее национал-социалистической и в апреле организовала заправский съезд в Ганновере. В ее программу вошли некоторые тезисы Федера; эта программа была более выдержана в духе земельной реформы, нежели программа соперника; в нее вошли также некоторые мысли Германуса Агриколы. Самым сильным агитатором ее был народный учитель Штрайхер¹⁷ в Нюрнберге. Эта партия отважилась даже выставить своих кандидатов на выборах в рейхстаг в 1920 г. (национал-социалисты не сделали этого тогда только из-за недостатка средств), но потерпела провал.

Больше успеха имел другой конкурент в северной Германии: «немецко-социальная партия» Рихарда Кунце, по прозвищу Кунце с дубинкой, который ныне стал рядовым членом партии Гитлера. Этот Кунце не побоялся выступить за требование Федера, которое не решился поддерживать Гитлер; требование это – «государственное банкротство». Вначале Федер требовал допущения всех военных займов к обращению в качестве платежного средства; по-видимому, он боялся инфляции, тогда еще неизвестной. Но потом у него появилась мысль об аннулировании государственных долгов, которое должно было нанести смертельный удар ссудному капиталу: как известно, это аннулирование впоследствии с успехом совершила инфляция. Так или иначе, Кунце снискал себе славу грозного агитатора, и его молодой партии предсказывали большую будущность.

Эти соперники боролись за душу народа, переживающего социальную встряску. Что же касается антисемитизма, то несомненное преимущество, казалось, имели союзы, стоявшие на платформе «народности», так называемые «фелькише»; только они, казалось, обладали подлинным кольцом Нибелунгов.

Итак – борьба. Против немецкой социальной и немецкой социалистической партий было выдвинуто прежде всего новое многообещающее название организации. Через посредство чешского немца, д-ра Александра Шиллингса, партия связалась с национал-социалистами бывшей габсбургской империи. Среди них как раз шел тогда спор о том, принять ли им название национал-социалистической «рабочей» партии; венцам не нравилось слово «рабочая». В Мюнхене, в свою очередь, пререкались из-за слова «социалистический», но в конце концов оно было принято против воли Гитлера. В апреле 1920 г. партия Антона Дрекслера, которая называлась до сих пор «германская рабочая партия», приняла название «национал-социалистическая германская рабочая партия».

Вскоре произошли первые стычки с буржуазией. Один из основателей партии, Оскар Кернер, выступил на собрании «народного союза обороны» как открытый враг, издевался над тем, что «фелькише» не имеют ровно никакого представления о чувствах народа, что народ не идет за ними и т. д. В результате происшедших трений последовала смена редакции, а в конце концов и собственника газеты «Фелькишер беобахтер» («Народный наблюдатель»). Редактор Келлер – теперь он снова референт в Коричневом доме – весьма надменно заметил, что идея «фелькиш» (народности) ни в коем случае не может быть запряжена в колесницу какой-либо одной партии. По этому поводу Гитлер публично обвинил его в малодушии, а Кернер написал сердитое письмо в редакцию: он протестовал против того, чтобы его объявляли пролетарием-социалистом только потому, что у него, быть может, не выутюжены брюки.

Кернер был одним из рядовых, оставшихся безымянными членов партии, но в нем говорила душа всей партии: ненависть одновременно и к имущей буржуазии, и к пролетариату.

Первое отречение

Спор был улажен, он должен был быть улажен. Национал-социалистическая партия была еще недостаточно сильна, чтобы вести открытую борьбу против своих конкурентов, в особенности с тех пор, как Гитлер 1 апреля 1920 г. вышел из состава рейхсвера. Он вынужден был отныне искать себе заработка, хотя бы частичного; другую часть вносили друзья: Дитрих Эккарт и др. На некоторое время Гитлер становится разъездным оратором «союза народной обороны», выступая со своим докладом «Брест-Литовск и Версаль». За выступления на национал-социалистических собраниях он отказывался брать гонорар, но здесь он берет его.

Уже тогда ему причиняла беспокойство его наспех набросанная программа. В августе 1920 г. он заявил на собрании в Мюнхене: для национал-социалиста само собой разумеется, что борьба ведется не против создающего ценности промышленного капитала, а только против еврейского интернационального ссудного капитала. Это уже отказ от п. 13 программы.

Зато непомерно раздувается п. 13: «каждому трудящемуся государство должно гарантировать жизненный минимум». Этот фантом государства-благотворителя оставил далеко позади себя все, что было сделано на этом поприще за последние годы.

Помощь сверху

Тем временем волна большой политики чуть было не смыла эту малую партию; время этой партии еще не настало. В Берлине провалился путч Каппа¹⁸; зато в Мюнхене 13 марта 1920 г. рейхсвер и добровольцы свергли буржуазно-социал-демократическое правительство Гофмана¹⁹ и поставили правительство Кара²⁰. К этому делу приложил руку также и Рем, но офицер-лектор Гитлер остался здесь непричастным. В офицерский круг Рема, игравшего роль «железного кулака», Гитлер был введен лишь как гость, представлявший желательную политическую связь с низами. В остальном деятельность Гитлера ограничивалась тем, что он устраивал собрания и организовал «центральное бюро» партии – убогая комнатка в одной из пивных старого Мюнхена, обставленная несколькими шкапами и полками.

Перемена правительства имела важные последствия для судьбы партии. Последняя стала теперь официальным фаворитом, ее хвалил в ландтаге министр-президент Кар, она пользовалась поддержкой полиции. Сам Кар был скорее подставным лицом, ширмой; тем активнее помогали ей полицейский-президент Пенер²¹ и его помощник д-р Фрик²², руководитель политического отделения.

Пенер был вылощенным чиновником и даровитым человеком; его баварский монархизм был весьма далек от типичного баварского добродушия и весьма близок к грубому прусскому монархизму. Он был совершенно глух к веяниям времени, не понимал их даже как враг: он не отвергал их, а просто не понимал. В душе его, несомненно, сидел бес, но это был бес бесстрастный.

Впоследствии он свысока заявил на суде, что после революции он целых 5 лет занимался государственной изменой и видел в этом свой святой долг.

Старший полицейский советник д-р Фрик, если отвлечься от его несколько тяжелого характера, как нельзя более подходил к роли заместителя при столь интересном начальнике; в этой роли он оказался впоследствии полезным для Гитлера. Правда, большим чутьем в политике он отнюдь не обладал; это он обнаружил и тогда, когда намеревался сделать своего партийного вождя жандармом в Гильдбургхаузене. Пенер и Фрик оказывали национал-социалистам всяческие полицейские милости и поддержку. На слова одного посвященного: «Г-н полицейский-президент, организации политических убийц у нас действительно существуют» – Пенер иронически заметил: «Тэк-с, тэк-с, но их слишком мало». Впрочем, небольшой «рабочей партии» Гитлера перепадали пока только те милости, которые вытекали из общего благосклонного отношения ко всему «национальному»; до начала 1923 г. политически более важными были другие группы. Но так как национал-социалисты выступали всегда нахальнее других, им приходилось прибегать к благосклонности полиции чаще, чем их конкурентам.

Скандалы и рукопашные схватки на собраниях и на улице доставили партии первое преимущество над ее немецко-социалистическими соперниками и над «фелькише». Она получила сомнительную славу, но это было гораздо лучше, чем полная безвестность ее конкурентов. А далее пришли на помощь разные счастливо подвернувшиеся случаи. Какой-то мюнхенский раввин пытался на национал-социалистическом собрании опровергать антисемитизм – присутствующие, конечно, бесновались. Результат был тот, что впредь на каждом национал-социалистическом плакате значилось: «Евреям вход воспрещен». Это действовало еще сильнее, чем самые острые нападки на республику, которые и без того позволял себе в тогдашнем Мюнхене каждый ротозей. Это служило доказательством того, что национал-социалисты дьяволь-

ски серьезно относятся к своему антисемитизму, что их ненависть неподдельна, – и эта неподдельность нравилась массе, которой за два последних года надоели общие места политической агитации.

Национал-социалистическая пропаганда – набор крикливых слов и грубых действий – стала выливаться в определенную форму. Однако ранее, чем это можно было предвидеть, движение получило второе духовное крещение: на съезде в Зальцбурге оно объединилось с австрийским национал-социализмом.

Глава 2. Съезд в Зальцбурге

Понятие и название «национал-социализм» существовали в Австрии еще до войны. Уже в девяностых годах прошлого столетия Людвиг Фогель и Фердинанд Бушовский основывали в немецких провинциях Богемии немецкие национальные рабочие союзы для борьбы как против чешских предпринимателей, так и против немецких социал-демократов. Итак, первые зачатки рабочего фронта против «марксистов и врагов народа» возникли из национальной борьбы в Австрии. Вскоре эта организация сблизилась с антисемитской «всенемецкой» партией Георга фон Шенерера; когда же эта партия распалась вследствие склоки ее вождей Шенерера и Вольфа, распалась и рабочая организация. В 1904 г. в Моравии снова возникла небольшая «немецкая рабочая партия», которая в 1911 г. все же настолько окрепла, что провела несколько депутатов в рейхстаг и в моравский ландтаг, в том числе нынешних вождей ее Юнга и Книрша. На ее партийтаге в Иглау в 1913 г. речь шла уже о земельной реформе и о борьбе против ростовщичества и поземельной ренты. Как мы видим, доктрина Федерера не является оригинальной даже в лоне самого национал-социалистического движения. 3 мая 1918 г. партия на съезде в Вене приняла название «австрийско-немецкой национал-социалистической партии», предложенное еще в 1913 г.

Однако, несмотря на программу и название, в партии не было согласия по важнейшим вопросам. Немцы из богемских провинций, возглавляемые Рудольфом Юнгом, подчеркивали рабочий и даже классовый характер партии; венцы, незначительная группа д-ра Вальтера Рилия, не хотели и слышать об этом. Окончательное решение должен был вынести партийный съезд, который заседал 7 и 8 августа 1920 г. в Зальцбурге; на съезде участвовали также мюнхенские национал-социалисты, возглавляемые Дрекслером и Гитлером. Явились также «немецкие социалисты» из Дюссельдорфа, но уже по своей малочисленности они не играли роли рядом с многочисленной мюнхенской делегацией.

После доклада Юнга приняты были тезисы, в которых между прочим говорилось, что трудящийся может требовать и добиваться своих прав только в пределах своей народности, категорически выдвигалась формула: «не переворот и не классовая борьба, а целеустремленная, творческая реформа»; смотря по обстоятельствам, она могла вести и к национализации. Не моргнув глазом, авторы программы продолжают: «Вредна отнюдь не частная собственность сама по себе, поскольку она вытекает из собственного частного труда и функционирует в рамках, не нарушающих благо общества». Этот порочный круг поражает своим безотрадным недомыслием. Впрочем, утверждения вроде того, что безвредное не может быть вредным, неизбежно находят себе приверженцев в эпоху, когда важнее уметь ненавидеть, чем логически мыслить.

Через год в Линце состоялась конференция представителей австрийских и германских национал-социалистов; на этой конференции Юнг добился того, что отказ от классовой борьбы был специальным решением вычеркнут из программы и вместо него внесен был в программу следующий изумительный тезис: «Германская национал-социалистическая рабочая партия является классовой партией созидательного труда». Юнг мотивировал это почти по-марксистски: в народном хозяйстве существуют только две группы, находящиеся в противоречии друг к другу, – это люди, которые занимаются созидательным трудом, и те, которые получают нетрудовой доход. Следовательно, национал-социалисты – классовая партия, с той лишь разницей, что понятие класс охватывает не узко очерченный слой; рабочими являются все, живущие своим трудом – физическим или умственным, – стало быть, вся масса экономически слабых в нашем народе. В этом смысле партия и стоит-де на платформе классовой борьбы, правда, не в плоскости экономического переворота, а в рамках реформы.

Эти тезисы могли бы войти в гейдельбергскую программу²³ германской социал-демократии; их не могла, однако, принять ни венская группа национал-социалистов, ни мюнхенское движение, достигшее уже солидных размеров. Ни венцы, ни мюнхенцы не могли согласиться с тем, что две части нации находятся в естественной противоположности друг к другу. Напротив, Гитлер незадолго до зальцбургского партийтага возвестил: «В рядах нашей партии нет места для рабочих, сознающих себя как класс, точно так же как нет места для буржуа, сознающих себя как сословие». Так сказал Гитлер; но как же быть с подчеркивающим свое социальное происхождение буржуа и членом партии Кернером, который, несмотря на невыутюженные брюки, не желал быть пролетарием? А между тем партия состояла из таких людей, как Кернер. Гитлер обладает великим умением заговорить слушателя, отвлечь его от реальности жизни или, как сказал однажды Федер, «приспособить не нашу программу к фактам, а факты к нашей программе».

Но летом 1920 г. Юнг еще далеко не дошел до этого. Он был еще достаточно близок к мюнхенцам и мог оказывать на них влияние. Гитлер не выступал на партийтаге вовсе, представителем мюнхенцев в президиуме был Дрекслер. Мюнхенская партия стала членом «междугосударственной канцелярии национал-социалистической партии немецкого народа», но эта «канцелярия» оказалась на деле пустым местом. Тем важнее было идейное влияние зальцбургского партийтага.

Национал-социализм по-богемски

Это влияние исходило от Рудольфа Юнга. Последний уже тогда имел совершенно отчетливое представление о пагубной роли мировой демократии, о связи между интернациональным «мамонизмом» и государственными формами либерализма, об антинемецком характере западной демократии и т. п. Мюнхенцы не дошли еще тогда до таких простых истин. Дрекслеру они были не по силам; Федер не любил примешивать к своей экономической теории высокую политику, эстетствующее политиканство Эккарта не нуждалось в подобных шаблонах, а Гитлер был в состоянии использовать ту или другую идею лишь тогда, когда она приобретала форму, в которую ее можно было бы облечь. И вот он узнал теперь от Юнга, что еврейской нации свойственно все более подчинять своему влиянию другие народы; что реформация Лютера была половинчатой, так как не отделила христианства от Ветхого Завета; что западный «мамонизм» и восточный большевизм – лишь кажущиеся противоположности, а на самом деле союзники, одинаково ставящие себе целью водворение еврейского господства над миром. Гитлер узнал теперь, что международная демократия есть не что иное, как политический продукт еврейского духа, что надо поэтому отказаться от парламентаризма и обратиться к сословному строю. Юнг указал также обоим главным виновников слабости Германии; последняя имела: 1) самую сильную в мире социал-демократию и 2) самую сильную клерикальную партию, а наряду с ними очень сильно было также влияние еврейского свободомыслия. То, что жило в смутных представлениях и несвязном лепете Дрекслера, получало в устах Юнга осязательную форму: в мировой войне, политическом перевороте, похожем на великое переселение народов, на стороне Антанты стоял индивидуализм, на стороне же Германии – конечно, социализм. Марксизм, видите ли, только карикатура на последний; «социализм есть общее творчество, общая воля. Социализм – это национальный характер германцев, это дух германского народа, он заключается во взглядах на труд как на нравственный долг». Социализм носит столь немецкий характер, что даже Германия Вильгельма II была «единственным государством, в котором, можно сказать, социализм осуществлялся во имя самого государства».

Каждая из этих «доктрин», взятая в отдельности, не являлась новым откровением. В этом духе распространялись уже Лагард, Г.Ст. Чемберлен, Шпенглер²⁴ (к которому в этих кругах,

вообще говоря, относились с недоверием), русские эмигранты. Но только из синтеза всего этого получилось то, что можно назвать национал-социалистическим мировоззрением. Юнг первый говорит о «мировоззрении» национал-социализма, задолго до того, как Гитлер поставил на эту высоту свою собственную политическую проповедь. Еще больше подходит сюда название «немецкий социализм», ибо это учение весьма сильно отличается от того «интернационального» национал-социализма, который распространял впоследствии Розенберг²⁵ и который Меллер ван дер Брук²⁶ определил формулой: «каждый народ имеет свой собственный социализм». Впрочем, Гитлер не придает особого значения подобным различиям.

Таким образом возникло учение с богатой фразеологией, допускающее много различных толкований, приемлющее одновременно и социалистическую реформу, и государство Вильгельма II. Оно отвечало духовным запросам честных патриотов, которые желали «сделать революцию», но вместе с тем не желали отказываться от прошлого. Национальный социализм 1926–1928 гг. пытался основательно расчистить эту оранжерейную коллекцию противоречащих друг другу взглядов, но именно поэтому и не смог удержаться в партии.

Юнг первый дал также цельное изображение врага – и это, пожалуй, было самое важное. Здесь были свалены в одну кучу совершенно различные вещи только на том основании, что против всех их велась борьба. Впоследствии это чучело врага, искусственно склеенное из многих врагов, получило название «системы».

За кого сражается Гитлер?

Как и в ряде других случаев, вражда существовала здесь уже тогда, когда и врага-то еще не было налицо.

Германия окончила войну далеко не блестяще. Она не одержала победы над превосходными силами неприятеля, как некогда Нидерланды; она не погибла в пламени поражения, как Карфаген или Мексика. Вместо всего этого ее фельдмаршал просто разнервничался, император бежал, а у народа не оказалось сил для революционного сопротивления. Обвинять ее в этом было бы столь же бессмысленно, как, скажем, упрекать парижан, капитулировавших в 1871 г. перед лицом голода. Однако на ней лежит другая вина: непонимание происходящего, граничащее с невменяемостью. Крушение страны крикливо объявили победоносной революцией, тогда как на самом деле никакой революции не произошло. Поднятие красного флага не было ни великим достижением, ни великим преступлением; но настоящим грехопадением «революции» было то, что она тут же обратилась к свергнутым ею с просьбой не отказать ей в своем сотрудничестве и что в уплату за это «сотрудничество», которое на деле вскоре же привело к передаче власти в старые руки, флаг втихомолку был спущен. Особенно скомпрометировало революцию то обстоятельство, что никто не имел смелости действительно управлять от имени революции. Те, кто менее всего был повинен в революции, были названы «народными уполномоченными» и по недоразумению попали на страницы мировой истории в роли якобинцев. Если бы правительство имело перед глазами определенную цель, вместо того чтобы опрашивать избирателей, не имеющих таковой; если бы оно предложило нации какой-нибудь план, вместо того чтобы поручать его выработку либеральным профессорам; если бы правительство обещало обновление, вместо того чтобы взывать к спокойствию и порядку как к чему-то самому главному, – если бы правительство повело себя таким образом, то с его стороны даже подписание Версальского договора было бы еще революционным актом. Вместо всего этого оно выступило в роли делопроизводителя императорского правительства, которое не желало само подписать мир, чтобы не марать себе рук принятием унижительных условий.

Правда, кто знает обстановку тогдашнего времени, тому понятно, что все это нелегко было сделать, а кто знаком с действующими лицами, тот знает, что ничего другого от них и

ожидать нельзя было. Союз Спартака пытался действовать решительно; независимые также готовы были проявить некоторую активность. Но эти политики были до известной степени в плену у буржуазных настроений, сами того не замечая. Дело в том, что германская буржуазия вначале вовсе не была настроена контрреволюционно. Знаменитый «переход на почву фактов» (Признание переворота 9 ноября. – *Прим. ред.?*) не был исключительно актом трусости; в нем как бы заключалось молчаливое согласие и готовность «признать» великие события. Но когда со стороны революционеров не последовало великих действий, тогда снова начала действовать буржуазия, причем она действовала уже так, как предписывала ей ее природа, т. е. контрреволюционно.

Но воспоминание об этой готовности примириться с подлинно революционным актом сохранилось. Превосходный писатель и зоркий наблюдатель эпохи, Йозеф Гофмиллер, обнаружил недавно в извлечениях свой дневник времен мюнхенской революции: даже в этом интимном дневнике нет почти никакой критики по адресу революционеров. Так сильно было тогда ощущение, что надо дать новому возможность проявить себя. Монархистские публицисты писали дифирамбы политическому обновлению страны. Когда же революционеры обманули ожидания, сама буржуазия догадалась, что она совершила ошибку, в которой ей теперь приходится раскаиваться. Она полностью подтвердила теперь ту характеристику, которую дал немцам Богумил Гольц: «Наш народ имеет уравновешенный темперамент, но в мыслях склонен к крайностям, легко приходит в возбуждение благодаря фантастическим представлениям и воспоминаниям о прошлом, а в результате его мучат раскаяние и угрызения совести».

Национал-социализм – это нечистая совесть германской буржуазии

В Мюнхене у буржуазии были особые основания иметь нечистую совесть. Вождем революции был здесь Курт Эйсер²⁷ – прототип радикализированного либерала, идеалист и мечтатель, писатель, слегка «богема», еврей из северной Германии и вместе с тем человек, влюбленный в душу баварского народа, как почти все, кто близко соприкасался с ним. В противоположность большинству своих политических друзей он был федералистом; своими горячими нападениями на Берлин он привлек на сторону мюнхенской революции местный национальный патриотизм баварцев. С помощью крестьян, уставших от войны и недолюбливающих пруссаков, Эйсер свергнул непопулярного короля и в продолжение нескольких недель был популярнейшим человеком в Баварии; когда он был убит, за его гробом следовали сотни тысяч людей, искренне потрясенных.

Итак, даже баварский федерализм оказался скомпрометированным своей связью с революцией. Политические настроения баварского населения носили более цельный характер, чем на севере; классовые противоречия были здесь менее резкими. Политический темперамент баварцев отличается спокойствием, и когда политический фарватер изменился, то и вся масса политических настроений почти целиком направила в одну и ту же сторону. Когда же наклон изменился в другую сторону, то и настроения народа резко переменялись. Такой характер народа предопределил его судьбу: он дальше всех довел германскую революцию – вплоть до советской республики, а затем дальше всех довел также контрреволюцию – до путча Гитлера.

Новый стиль борьбы

В столице Баварии все еще были крайне сильны антисемитские настроения, и партия должна была использовать их. Любое собрание «союза народной обороны» и всякой другой организации, не поленившейся нанять залу и сочинить соответствующий плакат, все еще бывало переполнено. У «фелькише» было достаточно умелых пропагандистов. Целыми меся-

цами в антисемитских газетах изо дня в день помещалось следующее объявление: «Арестуйте евреев, и в стране настанет спокойствие». Сам Гитлер не сказал бы этого лучше.

Но дело было не только в этой удачной выдумке. Дело было не в том, что данное объявление регулярно оплачивалось в течение ряда месяцев. Что касается усердия, то Гитлер, человек без определенных занятий, в этом отношении оставил позади себя всех своих соперников. Во второй половине 1920 г. союзы «фелькише» мало-помалу начинают тяготиться шумными успехами на своих массовых митингах. «Мы не желаем больше собраний со скандалами и хулиганскими выходками; потворствовать низменным инстинктам толпы – ниже нашего достоинства, – пишет некий эстет в “Фелькишер беобахтер”. – Каждую неделю мы имеем переполненные собрания; но какой в этом прок? Разве это отменяет Версальский договор, разве это избавляет нас от берлинских марксистов и снова делает предпринимателя хозяином в доме? В Баварии правительство и без этого носит национальный характер».

Понадобился пример Гитлера, чтобы научить этих усталых политиков уму-разуму. Он показал им, что нужно уметь не терять терпения в продолжение целых 13 лет агитационных успехов, если желаешь завоевать действительную власть. Гитлер пришел сам из низов. Для большинства людей приятна похвала масс; для Гитлера, которого до сих пор буржуазия не жаловала своим признанием, такая похвала еще бесконечно приятнее, чем для людей с положением и связями, чем для деятелей из так называемых союзов «фелькише» или для вождей «блока порядка», «совета граждан» и «дружины обороны». Для них одобрение ликующей толпы на собраниях всегда имеет несколько подозрительный привкус, их отпугивает такое политическое средство. Для Гитлера в завоевании этого одобрения – его главная цель.

И вот уже летом 1920 г. одна из газет противников называет Гитлера «самым продувным специалистом по части науськивания» в Мюнхене. Это – ошибка, он был лишь самый прилежный и в то же время меньше всего разбиравшийся в средствах.

Методы его пропаганды, впоследствии описанные им самим, были приложены на практике. Вначале он прибегает к приемам, на первый взгляд совсем простым. Он приглашает на свои собрания с помощью плакатов небывалой величины. Плакаты окрашены в ярко-красный цвет и заполнены длинными передовицами. Длинными? Пожалуй, их можно пробежать в три минуты; напечатаны они не непарелью и не утомляют глаз. Их стиль – стиль ученика коммерческого училища, периоды часто неудобоваримы, вырывают жирный шрифт и курсив. Лозунги легко запоминаются: «Республика еврейских спекулянтов и биржевиков», «Ноябрьские преступники», «Марксисты – могильщики Германии». Интеллигенты содрогаются от них, но и они запоминают эти примитивные слова.

Все это красуется на столбах для афиш не меньше двух раз в неделю и привлекает толпу. Не меньше двух раз в неделю все это вдальблывается в голову двум тысячам слушателей в зале той или иной из мюнхенских пивных. А на третий раз слушатели считают эти заезженные фразы уже своими собственными мыслями и радуются, что оратор высказывает их собственное мнение. Таким образом, по прошествии нескольких месяцев приобретает несколько тысяч приверженцев, для которых уже стало потребностью выслушивать свои излюбленные мысли. Перед оратором теперь уже не просто слушатели, а тысячи восторженных соратников, которые затем вербуют новых приверженцев.

Кто первый начал практиковать террор

Настойчивость – лишь одно из свойств его пропаганды. Но еще важнее другая ее черта: активность. Под этим надо понимать не задорность речи. Ничуть не бывало. Активность заключается в следующем: небольшие группы национал-социалистов, незаслуженно носящие название «орднеров» – «людей порядка», патрулируют ночью по улицам. Стоит им встретить человека, чей нос им не понравится, и они толкают его, наступают ему на ногу, тот протестует, и

вот вызов с его стороны налицо, можно затеять драку на законном основании. В таких случаях всегда оказывалось, что бог и полиция на стороне более сильного. Бывали забавные случаи. Если злосчастный обладатель орлиного носа отрицал, что он еврей, его подвергали телесному осмотру; однажды в такую переделку попал даже представитель одной из южноамериканских республик. Что эти хулиганские поступки не были выходками отдельных лиц, а системой, партийной линией, об этом свидетельствует между прочим обзор за 1921 г., помещенный партийным руководством в «Фелькишер беобахтер»: в обзоре высказывается пожелание, чтобы «и в будущем году все партийные товарищи, участвующие в движении, были одушевлены тем же бесцеремонно-агрессивным духом».

Отряд национал-социалистических «орднеров» (распорядителей) был образован в 1920 г.; во главе его стоял тогда часовых дел мастер по имени Эмиль Морис, человек, осужденный за хулиганство, но потом помилованный. Гитлер и основывающаяся на его версии национал-социалистическая легенда представляют дело так, будто этот отряд служил лишь для защиты национал-социалистических собраний от срывающих их «банд» противника. Уже летом 1920 г. одной из наиболее безобидных функций этих «орднеров» было не давать противнику выступать в дискуссии, заглушая его речь своим ревом. В то время еще был в ходу старый либеральный обычай свободы дискуссии на собраниях; можно сказать, что эта свобода даже была отличительным признаком собраний революционного времени, когда программные проблемы волновали всех. Национал-социалисты очень быстро заменили этот старый стиль политических собраний новым: по их инициативе собрание превращалось в «манифестацию», во время которой противник не вправе был нарушать изъявления партийной воли. Если это не удавалось, ораторам, отвечавшим докладчику в его же тоне, просто не давали говорить, заглушая его речь.

Все это было бы еще полбеды; 20 июня 1920 г. сама «Фелькишер беобахтер» открыто жалуется на то, что некоторые элементы «придают нашим собраниям весьма некрасивый характер, поднимая дикий вой при выступлениях противника». Со временем эта газета научилась мириться с гораздо худшими фактами.

Более круто расправлялись с теми, кто прерывал гитлеровского оратора своими замечаниями с мест и восклицаниями. Так, например, сильно досталось лидеру федералистского «союза баварцев», инженеру Баллерштедту, противнику, тогда особенно ненавидимому Гитлером. Как сообщает «Фелькишер беобахтер», «возмущенная публика удалила его из зала, предварительно проучив его немного». Со временем вошло в систему выталкивать из зала противника, прерывающего оратора восклицаниями, «легкими колотушками» – выражение национал-социалистического органа.

Однако национал-социалисты не удовлетволялись этими успехами по части «защиты» своих собраний. В 1920–1921 гг. они срывают ряд собраний своих противников. Так, например, в сентябре 1921 г. Гитлер лично явился со своими приверженцами на собрание Баллерштедта и атаковал со своими молодцами эстраду президиума. Произошла свалка, Баллерштедт был снова избит. Когда полицейский комиссар призвал Гитлера к ответу и попросил его прекратить безобразие, тот хладнокровно ответил: «Ладно, ладно, наша цель ведь достигнута, Баллерштедт не выступает». В феврале 1921 г. демонстрация национал-социалистов сорвала даже «праздник печати», одно из крупных благотворительных предприятий во время мюнхенского карнавала.

Были ли это случайные эксцессы? Нет! 4 января 1921 г. Гитлер открыто заявил на массовом собрании в мюнхенской пивной Киндлькеллер (мы цитируем по «Фелькишер беобахтер»): «Национал-социалистическое движение будет в дальнейшем без всяких церемоний срывать, если нужно силой, начинания и выступления, которые могут разлагающим образом подействовать на наших и без того уже больных соотечественников».

Когда летом 1922 г. в помещении Домбаухютте Петера Беренса была устроена мюнхенская промысловая выставка, причем статуя «Христос» Гиса с ее несколько экспрессионистским характером оказалась не по вкусу мюнхенским обывателям, Гитлер пригрозил, что если не уберут этого «Христа», он явится со своими людьми и разобьет его вдребезги. «Христа» убрали. Что «Христос» этот был изображен в «северном» духе, сиречь в духе «народностей севера», этого Гитлер и не заметил.

Конечно, в гитлеровской «Моей борьбе» обо всем этом ничего не сказано. Историк национал-социализма пришлось признать, что национал-социалистическое движение обнаружило «мужество» и «энергию», заключавшие в себе ряд предпосылок победы. Плаксивая болтовня о «марксистском терроре» плохо вяжется в книге Гитлера с фактами и с той «бесцеремонностью», которую предписывала партия в обращении с противником; она совершенно неправдоподобна. Впрочем, мы должны подчеркнуть, что выступления национал-социалистов пока еще не вели к кровопролитиям, ибо противник, не привыкший к таким методам борьбы, лишь постепенно переходил к самообороне.

Национал-социализму в самом деле нельзя отказать в том, что он ввел новые, в то время еще неизвестные в Германии методы политической борьбы, заимствованные отчасти у итальянских фашистов; впрочем, не только у них, но и у русских черносотенцев. Зато, как только и противники организовали сопротивление, дело не могло обойтись без кровопролития, и с тех пор в продолжение 12 лет было пролито немало крови. Ответственность за террор, не прекращающийся с тех пор в Германии, падает в первую очередь на национал-социализм, на Гитлера. В интересах исторической правды необходимо констатировать это на основании самих же национал-социалистических источников.

Приведенные выше факты, – мы подчеркиваем это, – взяты большей частью из «Фелькишер беобахтер». Помимо этого, личное участие Гитлера в терроре установлено судом. За насильственный срыв собрания Баллершtedта он был приговорен в январе 1922 г. к 3 месяцам тюремного заключения, впрочем, из них к 2 месяцам только условно.

Предположить, что он не сумел предусмотреть результатов своих действий, значило бы оскорбить такого умного человека, как Гитлер. Полезные для своей партии результаты он ставил выше результатов, вредных для общества; заповеди порядка и спокойствия, правила любви к ближнему и нормы Уголовного кодекса он подчинял критерию пользы своей партии, в которой он уже тогда видел грядущее возрождение нации. Путем непрекращающейся агрессии Гитлер добился того, что с движением стали считаться, что его перестали замалчивать. Гитлер бесконечно счастлив, когда враг переходит, наконец, к контратаке, и в конце 1921 г., в свою очередь, пытается сорвать собрание национал-социалистов; в партийной легенде эта попытка продолжает жить под именем битвы в пивной «Хофброй». До тех пор, пока противник не оказывал сопротивления, приходилось самим устраивать такие сражения.

Первая газета Гитлера

В деле добывания средств самым ценным помощником партии был тогда Дитрих Эккарт. Гитлер также лично многим обязан Эккарту. Но самую блестящую услугу Эккарт оказал Гитлеру в декабре 1920 г.

«Фелькишер беобахтер» влезла в долги и искала покупателя. Дитрих Эккарт и Федер интересовались этой газетой. Но Эккарт сам находился в стесненных обстоятельствах; его еженедельник «Чисто по-немецки» тоже давал дефицит и должен был закрыться. На помощь пришел рейхсвер. Эккарт получил необходимую сумму через генерала фон Эппа. Последний вместе с Ремом собрал группу людей для систематической обработки печати в национальном духе; 60 тыс. марок, которые Эккарт получил от Эппа, пошли якобы на ликвидацию журнала «Чисто по-немецки»; фактически они дали Эккарту возможность купить «Фелькишер беобах-

тер». Правда, при имевшейся у газеты задолженности это было риском. Риск взяла на себя национал-социалистическая партия.

Какой громадный шаг вперед за 15 месяцев! Гитлер, дотоле неизвестный солдат, оратор партии, насчитывавшей тридцать единомышленников и располагавшей одной пишущей машинкой, имел теперь свою газету. Правда, она выходила только раз в неделю; но так или иначе это та самая газета, в которой он 15 месяцев назад, робея, дал свое первое объявление, газета, которая до сих пор обмолвилась о его речах считанными двадцатью строками и не раз из зависти задевала его, – эта газета была теперь его органом. 19 декабря 1920 г. «Фелькишер беобахтер» перешла в собственность партии. Гитлер имел отныне свой орган.

Такой прыжок был бы не под силу профессорам и адвокатам из партии «немецких социалистов», «фелькише» и т. д. и т. п. Эти господа не затевали драк с евреями и не срывали собраний, они не поднимали шума, они ничего не добивались силой. У них не было также таких покровителей, как рейхсвер, и таких членов партии, как Рем.

Три тысячи членов

Гитлер мог быть доволен истекшим годом. В «Фелькишер беобахтер» его друг Эссер²⁸ в отчетах о собраниях уже писал о том, какой блестящий оратор Гитлер, как он пленяет и гипнотизирует своих слушателей. Он писал, что Гитлеру надо выступать во всех городах Германии. Возникает тот личный культ Гитлера, который впоследствии приобрел столь важное значение для ореола самого дела.

За истекший год в Мюнхене состоялось 46 национал-социалистических собраний, стало быть – почти еженедельно по собранию. Странное дело, другие не понимают секрета этого успеха, не видят, что последний объясняется только настойчивостью и упорством, с которым национал-социалисты добиваются осуществления поставленной себе цели. Уже Гораций знал, что именно в таких случаях помощь богов обеспечена. В других баварских городах национал-социалисты тоже как-никак провели за этот год 32 пропагандистских собрания, хотя иногда приходилось думать о том, где добыть докладчику денег на дорогу. В Розенгейме и Ландсгуте были основаны местные группы. Даже во Франкфурте-на-Майне имеется уже в одной пивной постоянный национал-социалистический уголок; впрочем, это было делом случая. Зато в Пфдорфгейме в Бадене возникла уже заправская дисциплинированная местная группа национал-социалистической партии, возглавляемая заводским мастером Витманом; а в Штутгарте некий Ульсге-фер руководит национал-социалистическим союзом.

В общем, это был хороший год для национал-социалистов. При своем возникновении партия имела 64 члена, теперь же она насчитывала 3000 членов. Такой успех нельзя объяснить даже ораторским искусством Гитлера. Гитлер лишь давал имя, служил вывеской для группы, наполовину остававшейся скрытой от публики и бывшей прежде всего орудием Рема. А Рем был если не тайным господином, то почти всемогущим агентом разных добровольческих отрядов и дружин, из которых медленно вырастал рейхсвер. Он направлял к Гитлеру солдат и офицеров, посылал в партию всех активистов, которых можно было раздобыть. Другим поставщиком людей и средств был «баварский блок порядка», влиятельное объединение полуполитических правых организаций. Однако всякая помощь тщетна, если нет человека, твердо решившегося использовать ее. В области пропаганды таким человеком был именно Гитлер. То, что другие в состоянии были сказать массам самое большое раза три, он повторял без устали четыре, пять, десять раз. Он не останавливался в своей пропаганде перед самым низменным стилем, если только мог рассчитывать вбить таким образом свои идеи в головы слушателей. Его не пугал не только низменный стиль, но и вещи похуже. Ведь это он подвизался на улицах, устраивал сражения на митингах, срывал собрания противников. Он пошел на то, на что не решались другие, – на террор. Он взял на себя риск борьбы и риск того, что вина будет

возложена на него, так как знал, что власть не может возникнуть без вины. Другие убоялись этого и стушевались. За Гитлером же осталась ответственность перед историей и... 3000 членов партии.

Шаг в сферу внешней политики

В январе 1921 г. стало известно, что «зоркий» промышленник и политик Арнольд Рехберг²⁹ обратился к руководящим деятелям Антанты с запиской, в которой выступал с предложениями о вооруженной интервенции в Советской России. Рехберг прежде снабжал «Фелькишер беобахтер» антибольшевистскими статьями; свою записку он составил по поручению генерала Людендорфа³⁰, незадолго перед тем поселившегося в Мюнхене.

Как раз в эти дни национал-социализм обретает также свою собственную внешнюю политику. Это уже не только система жестов и протестов, а политика тактического расчета. В новогоднем номере «Фелькишер беобахтер» – газета уже десять дней являлась собственностью партии – была напечатана анонимная статья; витиеватые периоды этой статьи долго продолжали служить внешнеполитической программой партии, отчасти являются ею и поныне. Автор статьи исходит из того, что, хотя Россия и проиграла войну с Польшей, Советы в более или менее близком будущем все же попытаются захватить Польшу. Он пишет:

«Но когда эта гроза соберется над немецкими землями на востоке, необходимо будет отправить туда сто тысяч самоотверженных людей. Если по указке разных Конов и Леви³¹ германские железнодорожники забастуют, надо будет заблаговременно отправить эти сто тысяч бойцов в пешем строю. Придется считаться с возможностью временного советского режима на некоторых немецких территориях – ничего не поделаешь. Придется быть готовым ко всякой крайности также в связи с поведением западных евреев, засевших за Рейном с французскими пушками и танками; эти евреи поднимут жалобный вой, когда их братьям на востоке придется круто. Если Ленин в Польше задержится, то все еще будет время освободить Польшу. Польша походит на утопающую истеричку, которой надо дать удар по голове, для того чтобы она очнулась и позволила вытащить себя из воды. Главное – это нанести русской армии второе поражение под Танненбергом и погнать ее обратно в Россию. Это исключительно дело немцев, и это и будет, собственно, началом нашего возрождения. Армия, хлынувшая назад в страну, будет самым злым врагом советского правительства».

Итак, «большая внешняя политика» национал-социализма начинается с плана германского крестового похода против Советской России. Ибо автор этой статьи – новый политик – теоретик партии, балтийский немец Альфред Розенберг.

Он – немец по происхождению, но у него склад ума русского. Он родился в 1893 г. в Ревеле в Эстонии, во время Первой мировой войны был студентом в России; при вступлении немцев, – рассказывает Розенберг, – он явился к немецкому командованию и предложил свои услуги в качестве добровольца, но не встретил доверия. В числе многих других русских эмигрантов он в 1919 г. нашел убежище в Мюнхене, где через Дитриха Эккарта пришел в соприкосновение с национал-социалистами. По своей профессии он архитектор, отсюда и его личная связь с Гитлером. Последнему импонировал человек, талант которого состоял в умении построить из самых невозможных предпосылок целую систему идей, целое здание, почти царский дворец. Вероятно, в Германии найдется теперь немного людей, предающихся такому беспардонному систематизированию и догматизированию, как Розенберг, обураваемых такой неукротимой страстью возводить на несуществующем фундаменте здание детальных выводов. Грандиозные проекты, остающиеся на бумаге, архитектурные замыслы, которым не суждено осуществиться, – вот что представляют собой внешнеполитические планы Розенберга.

Русские влияния

Планы Розенберга, принесенные им в подарок национал-социалистам, – это не немецкая внешняя политика, это – внешняя политика русских белоэмигрантов, Мюнхен-Кобленца³² этих эмигрантов, которые очень желали бы вовлечь Германию в кампанию борьбы против Ленина. Эта политика вообще становится понятной только в связи с тем кардинальным значением, которое она придает еврейскому вопросу.

Было бы преувеличением назвать начинающуюся отныне внешнюю политику национал-социализма царистской. Но фактически ее духовные истоки находятся в царской России, в России черносотенцев и «Союза русского народа». Вынужденные эмигрировать из России и скитаться на чужбине, эти слои приносят в Среднюю и Западную Европу свои представления, свои мечты и свою ненависть. Мрачное, кровавое русское юдофобство пропитывает более благодушный немецкий антисемитизм. Уже Мережковский проповедует ненависть к «большевистскому антихристу». У нас в Германии усердно читают так называемые «Протоколы сионских мудрецов»³³. Для антибольшевизма белой эмиграции старое русское юдофобство – самое подходящее оружие. Но теперь оно – совсем некстати – стало исходным пунктом германского национал-социализма в области его внешнеполитических идей. Можно как угодно подходить к еврейскому вопросу, исходя из немецких национальных предпосылок, но ясно одно: тот антисемитизм, в который балтийские немцы запрягли Гитлера и его друзей, во всяком случае не является немецким делом. Это – двойник Агасфера: вечный антисемит, скитающийся по миру за «вечным жидом».

В конце мая 1921 г. в Рейхенгалле в Баварии состоялся конгресс русских монархистов. Видную роль играл на нем гетман Скоропадский, которому германское командование в 1918 г. отдало власть над Украиной. Его круги поддерживали в продолжение известного времени сношения с национал-социалистами, до тех пор пока несколько лет назад Скоропадский не был заподозрен в симпатиях к Франции. Русские эмигранты писали в «Фелькишер беобахтер», выступали на национал-социалистических собраниях, как, например, Немирович-Данченко, бывший заведующим отделом печати у Скоропадского.

Розенберг твердо убежден, что еврейские финансисты во Франции – союзники большевиков, Гитлер быстро усваивает эти истины. В том же номере «Фелькишер беобахтер» он высказывает убеждение, что евреи замышляют только революцию и нарушение чистоты чужих рас и что «каждый еврей – какие дьяволы! – в своей сфере действует прежде всего для этой последней великой цели, действует именно политически».

«Проснись, Франция!»

Внешняя политика национал-социалистов была в то время антисемитской и вместе с тем антибританской – во всяком случае, в гораздо большей мере, чем антифранцузской. Утверждение, что французское правительство состоит из «приказчиков англосаксонской мировой фирмы», звучит скорее состраданием к французам, чем ненавистью к ним. «Фелькишер беобахтер» возвещает весну народов в Европе, «... когда французский народ, в котором мы без зависти признаем и ценим его благородное ядро, поймет... что... уже теперь можно заметить ростки, из которых во Франции, как и в других странах, вырастет национальный социализм будущего. Франция должна снова запереть в гетто евреев. Грядет национал-социалистическая мировая революция, ее лозунг: “Антисемиты всех стран, соединяйтесь!”

Тогда же – это было в феврале 1921 г. на первом грандиозном митинге Гитлера в цирке Кроне – Гитлер мечет громы и молнии против «этой Англии, которая с дьявольским умыслом

травит до смерти ирландский народ, доводя его до вечных революций против Англии, которая жульническим способом захватила старое культурное государство – Индию. Кто поверит теперь, что Англия когда-либо добивалась свободы малых наций, если она лишила последних следов свободы один из величайших культурных народов мира, Германию?»

В то время материальные блага нации еще были для Гитлера важнее, чем честь ее оружия. Он согласен на полное разоружение Германии, если будут аннулированы репарации.

«Покончите, – обращается он 15 февраля 1921 г. в “Фелькишер беобахтер” к министру иностранных дел Симонсу, – с вопросом о репарациях (тогда это еще не называлось “данью” для Франции), уничтожьте двенадцатипроцентный сбор с нашего экспорта, прекратите всякую дальнейшую возможность этой унижающей нас опеки разбойничьего союза (Антанты), создайте для нас таким образом возможность существования и освободите нас от вечной угрозы гражданской войны в Германии. Тогда мы готовы будем освободить остальной мир от нависшей угрозы со стороны наших баварских дружин обороны страны. Тогда мы разоружимся». Такого рода внешнюю политику тот же Гитлер в позднейшие годы назвал бы политикой филистеров; ведь за аннулирование репараций она готова продать право на вооружение и самооборону.

Это были дни лондонского ультиматума, установившего сумму репарационных платежей Германии в 132 млрд. Гитлер и Розенберг проповедуют и тогда сопротивление. Но делают это неспроста... нет, у этих реальных политиков уже есть «могучий» союзник на востоке. «Только не подписывайте капитуляции, как в 1919 г., на пять минут раньше времени. Вся Россия как раз восстает против еврейского террора» (Розенберг).

Эта внешняя политика 1921 г., инспирируемая Людендорфом, генералом Гофманом³⁴ и Рехбергом, переписанная начисто Розенбергом и по частям излагаемая Гитлером народу, направлена на создание антисемитской, антибольшевистской и антибританской континентальной Европы. Хребтом ее должен быть союз между пробудившейся Германией и проснувшейся Францией.

Первый массовый митинг

Была ли эта внешняя политика опасна или, наоборот, не имела никакого значения, она, во всяком случае, расширила круг деятельности Гитлера. Он познакомился с Людендорфом. Их объединял также один из вопросов внутренней политики – борьба против баварского федерализма. Впоследствии пути их на долгое время расходятся; они снова сблизились лишь летом 1923 г.

Влияние Гитлера растет. Правда, он еще не владеет массами. Незадолго перед лондонским ультиматумом конкуренты из «патриотической» партии устроили грандиозный митинг на площади Одеон, на котором присутствовало более 20 тыс. человек. Гитлер тоже хотел выступить там с речью, но, когда он пытался сделать это, оркестр заиграл туш и самый пламенный оратор Мюнхена так и не был услышан. Так или иначе, он убедился, какие массы народа можно поднять на ноги с помощью лондонского ультиматума. На 132 млрд может сыграть всякий, кто сумеет инсценировать манифестацию протеста. 3 февраля 1921 г. Гитлер впервые отважился выступить в самом большом зале Мюнхена – в цирке Кроне. Этот зал вмещает больше 8 тыс. человек; пришли 4 тыс. Благодаря умелой «расстановке» зал с грехом пополам наполнен. Но хотя этот митинг был наполовину провалом, Гитлер показал другим пример того, как надо вести борьбу. Его соперники, гордые своим успехом, своими 20 тыс. слушателей, почтили на лаврах. Гитлер же на следующей неделе снова бьет в набат, снова созывает свою публику в цирке Кроне; он неутомим, потому что знает, что в это горячее время масса тоже неутомима. Таким образом он постепенно добился цифры в 8 тыс.; со временем число его слушателей превысит 20 тыс., цифра, на которой успокоились его соперники.

Диапазон растет. Прежний небольшой кружок серых ремесленников постепенно сошел на нет. Гитлера окружают теперь новые люди различного социального положения; среди них мало мелких мещан. Это – буйные, авантюристские, – есть и темные, – но, во всяком случае, интересные натуры, как и сам Гитлер. Большинство из них более самоуверенны, чем он, но ни один из них не достигает в решительный момент его нервного неистовства. К Дитриху Эккарту, единственному «кавалеру» в старом кружке, присоединяются теперь Розенберг и молодой студент, заграничный немец Рудольф Гесс³⁵, лучший друг Гитлера, ставший впоследствии его личным секретарем и неизменным спутником. Таковы люди, которые бескорыстно или с расчетом верят в него.

«Вождь»

Снова подтвердилось старое положение, что если три человека с твердой решимостью стремятся к одному и тому же, они достигнут цели, хотя бы они поставили себе задачей завоевать весь мир. Герман Эссер первый приветствует Гитлера как «вождя» после сомнительного успеха в цирке Кроне. Возникает некий круг руководителей национал-социализма; его несокрушимой догмой является неограниченная власть Гитлера над рядовыми членами партии как над толпой профанов.

Со стороны в партию приходят уже «важные господа» и обладатели громких имен. В партию вступил капитан-лейтенант Гельмут фон Мюкке³⁶, командир «Айши» и национальный герой; что еще важнее, он добывает для партии финансовые средства. Однако в то же время начинаются также раздоры между вождями. Эссера обуяла бешеная ненависть к Розенбергу. Забываясь, он иногда переносит эту ненависть даже на Гитлера. В эти моменты он пытается натравить «идиота» Дрекслера против более сильного «товарища». Гитлер начинает верить в самого себя. Ему еще долго придется играть скромную роль «барабанщика» перед другими лицами, превосходящими его своим влиянием, образованием, остроумием. Когда он находится наедине с Людендорфом или Пенером, он в эти моменты, пожалуй, и сам верит в свою скромную роль. Но потом, оставшись без такого визави, когда он сидит один за столом и речь снова льется потоком из-под его пера, – ибо писания его – та же речь, – он уже мечтает о том, как «в один прекрасный день явится железный человек, быть может, в грязных сапогах, но зато с чистой совестью, положит конец разглагольствованию этих вылощенных джентльменов и преподнесет нации действия».

Железный человек! Можно побиться об заклад, что это не кто иной, как богом одаренный человек, выступивший перед четырьмя тысячами и в своем волнении, вероятно, принявший их за восемь тысяч. На нем как раз «грязные сапоги»... некогда он прогулял свой экзамен и теперь хвастает перед своими товарищами, капитанами и лейтенантами, что он был только «простым» ефрейтором. Несмотря на грязные сапоги, он превосходит всех других своим подвижным умом, способностью быстро схватывать новые ситуации. Он не только понял сущность фашизма, появляющегося теперь на сцене в Италии, но схватил также стиль коллеги – Муссолини, тоже пришедшего из окопов в грязных сапогах. Гитлер решил «преподнести нации действие».

Впоследствии один итальянский фашист назвал этого подражателя римского стиля «Юлием Цезарем в тирольской шляпе». Однако в Гитлере не раз еще скажется стиль бывшего венского строительного рабочего. Издеваясь над орлом в новом имперском гербе, он пишет в «Фелькишер беобахтер»: «Народную массу гораздо больше интересуют жареные курочки и уточки; наш народ с его здоровым инстинктом смеется над этой безобразной скотиной». Затем трещотку сменяют фанфары: «В этом новом имперском гербе преобладающее большинство народа видит не эмблему честных и свободных мужей, а каинову печать самой низкой измены».

В этой мозаике стилей народный тон еще безыскусствен, цезаризм же вымучен. Но Гитлер ставит себе целью стать Цезарем пропаганды, человеком, у которого в крови нечто императорское, человеком, который лишь снисходит к фамильярному тону разговора с толпой. Несколько лет спустя он без запинки и не краснея перешеголял Куртс-Мелер (Куртс-Мелер – оперная певица, выступающая в вагнеровских ролях. – *Прим. перев*)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.